

ЗОЛОТАЯ КНИГА СТАРОРУССКОЙ МАГИИ, КОЛДОВСТВА И ГАДАНИЙ

**Золотая книга старорусской
магии, ворожбы,
заклятий и гаданий**

«Остеон-Групп»

2015

Золотая книга старорусской магии, ворожбы, заклятий и гаданий /
«Остеон-Групп» , 2015

Магические практики старорусских волхвов благополучно дожили с незапамятных времен до наших дней, претерпев незначительные изменения. В наши дни все чаще делаются попытки привнести на отечественную почву западноевропейские приемы колдовства и предсказаний. Эти попытки, конечно, не лишены познавательной ценности, однако следует учитывать, что в таком деликатном деле, как обращение к высшим силам природы следует быть особенно деликатными. В этой книге собраны уникальные, не повторявшиеся нигде ранее системы целительства, гадания, оберегающие магические средства — не только собраны, но и объяснены, истолкованы, приготовлены к практическому использованию. Откройте для себя удивительный мир подлинной старорусской магии, ворожбы и заклинаний.

, 2015

© «Остеон-Групп» , 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1. Любовная ворожба	11
Отсушки	27
Глава 2. Бытовая ворожба	36
Глава 3. Магия здоровья и целительства	58
Старорусские лечебники	59
Лечебник от многих мудрецов о различных врачевских вещех, ко здравию человеческому предстоящих	59
1. О хлебе ржаном	59
2. Об овсе	60
3. О зверех и травах	60
О коте	60
О собаке	60
О петухе	60
О пчеле и о меду	60
4. О соборинном древе	61
5. О водах, из трав перепущенных (Настои – А.А.)	62
О воде из васильковой травы	62
О воде из мокрицы огородной	62
О воде земляничной	62
О воде из ворониковы травы	62
О воде из петросильевы травы (из петрушки – А.А.)	63
О воде силидоньевы травы (из сельдерея – А.А.)	63
О воде соборинного цвету (из цветов шиповника – А.А.)	63
6. О маслех, которые к чему угодны бывают	63
О масле ржаном	63
О бобковом масле (лавровом? – А.А.)	63
О васильковом масле	64
О масле розмариновом	64
О масле из цвету соборинного (из шиповника – А.А.)	64
Орамоне масле (изромашки – А.А.)	64
О фиалковом масле	64
О гвоздичном масле	65
О анисовом масле	65
О масле из грецких орехов	65
О тополнном масле	65
О масле кирпичном	65
О масле из купоросу	66
7. О каменех драгих и ко многим делам угодных и о силе их	66
Об алмазе	66
О яхонте черном	66
О лале	67
О яхонте лазоревом	67

О изумруде	67
О берюзе	68
О бечете	68
О аматисте	68
О тумпазе	68
О малариузе	69
О гранате, или вниесе	69
О агатасе	69
О аспиде	69
О магните	69
8. О вхождении банном	70
Подлинный старорусский травник	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Золотая книга старорусской магии, ворожбы, заклятий и гаданий

Под редакцией В.И. Южина

В.И. Южин, 2015 © ООО «Остеон-Пресс». Оцифровка книги. 2015

ISBN 978-5-85689-019-7

Введение

Русь и волшебство издревле были неразделимы и едины, как рука – и палец, сердце – и его стук, мать – и ее дитя. В русских равнинах, русских лесах, речках есть нечто незыблемо величавое, что не может не затронуть сердца даже следующего мимоходом человека, обозревающего всю эту красоту из окна поезда – что уж говорить про сердца тех, кто издревле живет среди этих полей и лесов и впитал всю эту красоту с молоком матери. На Руси исстари жило преклонение перед силами природы, обожествление сил природы – персонифицированных Весны (Масленицы) и Лета (Ивана Купалы), Зимы (Мороз). Древнерусские божества и их жрецы-волхвы много столетий состояли на службе у народа, пока время их не ушло и христианская вера не приступила к тяжкому и длительному труду – сплочению народа вокруг единого государства. Только это могло позволить в дальнейшем послужить появлению государства русского. Однако древние верования не ушли.

Но несмотря на яростные преследования, вера праотцев не исчезла безвозвратно; она трансформировалась, вобрала в себя все лучшее, что имелось в христианстве и по-прежнему продолжала служить народу. Языческие верования легли в основу русской магии, но использовали при этом христианскую составляющую. Русский человек по природе своей всегда чурался всего нечистого и бесовского, даже прибегая к помощи колдунов, люди сознавали, что совершают дело греховное.

В отличие от своих западных коллег, в старорусской магии не принято было обращаться к силам Зла и призывать на помощь Ад и Сатану. Напротив, даже в приворотных заговорах использовались имена христианских святых. Силы зла всегда упоминались в негативном контексте, клеймились, от них отрекались, призывая к себе на помощь высшие, светлые силы. И тем не менее народная магия всегда преследовалась на русской земле – преследовалась самым жестоким образом. Предоставим слово великому любителю и ценителю народного творчества, одному из величайших поэтов русской истории Александру Блоку. В своем исследовании «» он пишет: «Те преследования, которые христианские церковь и государство всюду и всегда применяли и применяют к народной старине – к ее верованиям, обычаям, обрядам и поэзии, – коснулись и заклинаний и их носителей. С первых веков христианства соборные постановления осуждали сношения с чародеями и магами. Бесконечные процессы ведьм перешли далеко за черту средних веков. На Западе сложились целые демонологические системы, что вызвало инквизиционные преследования колдунов. Там считались с чертом, а у славян скорее с природой; славяне смотрели на чародеев как на людей исключительно вещих, и потому, например, в Польше имя черта почти не встречается в судебных делах. Здесь, несмотря на существование инквизиции (с XIV столетия), колдовство преследуется гораздо слабее.

На Руси знахарство испытывает гонение скорее со стороны церкви и государства, а не со стороны народа. Известный факт народного преследования ведьм, за которых заступился гуманный митрополит Серапион, совершенно пропадает среди бесчисленных постановлений соборов и строгих законов Петра относительно чародейства.

– Чем же объяснить эти упорные гонения, воздвигаемые на одиноких западных магов, приютившихся в монастыре, городе, селении, и на простоватых русских знахарей и баб-шептух, пришедших из лесу в крайнюю избу нищей деревни? Конечно, это «христианская» культура борется с последними остатками «язычества». Место умершего Бога Пана заменил униженный, гонимый маг и знахарь, которого уже не открыто, но втихомолку посещают люди, прося его заступничества перед темными силами природы; эту природу он царственно заколдовал и тем подчинил себе.

В селах девушки водят хороводы, тешатся играми, поют песни; задаются темные загадки, толкуются сны, плачут над покойником, копают клады, вынимают следы; но все лучи этих радо-

стей, горестей, утех и песен народных незримо скрещиваются, как бы переплетаются, в одном лице колдуна. Он – таинственный носитель тех чар, которыми очарован быт народа; и такой очарованный быт становится каким-то иным, не обыденным, он светится магическим светом и страшен другому, ежедневному быту – своею противоположностью ему. Обряды, песни, хоро- воды, заговоры сближают людей с природой, заставляют понимать ее ночной язык, подражают ее движению. Тесная связь с природой становится новой религией, где нет границ вере в силу слова, в могущество песни, в очарование пляски.

Эти силы повелевают природой, подчиняют ее себе, нарушают ее законы, своею волей сковывают ее волю. Опьяненный такою верой сам делается на миг колдуном и тем самым становится вне условий обихода. Это страшно для спокойствия домашнего очага, для здоровой правовой, нормы, для обычая, который обтрепался и потерял смысл, протянувшись сквозь столетия, для церковного догмата, который требует слепой веры и запрещает испытывать тайну. Колдун – самодовлеющий законодатель своего мира; он создал этот мир и очаровал его, смешав и сопоставив те обыденные предметы, которыми вот сейчас пользовался другой – здоровый государственный или церковный законник, создающий разумно, среди бела дня, нормы вещного, государственного, церковного права. И предметы, такие очевидные и мертвые при свете дневного разума, стали иными, засияли и затуманились. От новых сочетаний их и новых граней, которыми они никогда прежде не были повернуты, протянулись как бы светящиеся отравленные иглы; они грозят отравить и разрушить тот – старый, благополучный, умный быт – своими необычными и странными острями.

Вот почему во все века так боятся магии – этой игры с огнем, испытующей жуткие тайны. Кудесник-законодатель переворачивает календарь, вместо церковных праздников он отмечает иные благоприятные дни для чудес – дни легкие и черные; он создает условия для успешности всех начинаний, и эти условия – иные, чем правовые или нравственные нормы; между тем они так же строго формальны, как эти нормы: так, заговор должен быть произносим с совершенной точностью, так же следует исполнять обряд; зубы у заговаривающего должны быть все целы; передать силу заговора можно только младшему летам; некоторые заговоры нужно произносить под связанными ветвями березки, над следом; другие – натошак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущерб Луны. Власть кудесника так велика, что в любой момент он может выбить из бытовой колеи, причинить добро или зло – простым действием, которое в руках у него приобретает силу: у галицких русинов знахарь втыкает нож по рукоятку под порог первых дверей хаты; тогда зачарованный, охваченный вихрем, он носится по воздуху до тех пор, пока заклинатель не вытянет потихоньку из-под порога воткнутый нож.

Но всего страшнее чары при исполнении религиозных обрядов; задумавший на «безголовье» врага ставит в церкви свечу пламенем вниз или постится в скоромный день.

И таких предписаний, – исходящих как бы от самой природы и от знающего тайны ее знахаря, строгих и точных, совершенно напоминающих по форме своей нормы любого права и, однако, столь отличных от них по существу, – так много записано и рассеяно в устном предании, что приходится считаться с этим древним и вечно юным правом, отводить ему почетное место, помнить, что забывать и изгонять народную обрядность – значит навсегда отказаться понять и узнать народ.

Профессиональный заклинатель или тот, кого тоска, отчаянье, любовь, беда приобщили к природе, кому необычные обстоятельства внушили дар заклинаний, – обращаются к природе, стремясь испытать ее, прося, чтобы она поведала свои тайны. Такое обращение напоминает молитву, но не тождественно с нею. Молитва, говорит Е. В. Аничков, предполагает известное религиозное состояние сознания, по крайней мере в молитве обращаются к известному лицу – подателю благодати. В молитвенной формуле вся сила сосредоточивается на упоминании имени и свойства этого лица. В заклинательной формуле, наоборот, весь интерес сосредоточен на выражении желания (по-немецки Wunsch значит и желание и заклятие). Имена Божеств,

упоминаемые в ней, изменяются, но сама формула остается неизменной; так, например, у старообрядцев сохранилось много «двоеверных» заговоров, где упоминаются архангелы, святые, пророки; но имена их расположены на полустертой канве языческой мифологии, и сами заговоры сходны вплоть до отдельных выражений с чисто языческими заклинательными формулами и молитвами.

Когда-то наука, в лице мифологической школы, считала заговоры остатками молитв, обращенных к стихийным Божествам. Так, например, заговор на остановление руды (крови), по мнению Афанасьева, относился к Богу-громовнику, как властителю небесной влаги – крови, истекающей из ран, наносимых стрелами Перуна облачным демонам. Точно так же Потебня считал заговоры «выветрившимися языческими молитвами», но впоследствии отказался от этого мнения: «в заговорах, – говорит он, может вовсе не заключаться представление о Божестве».

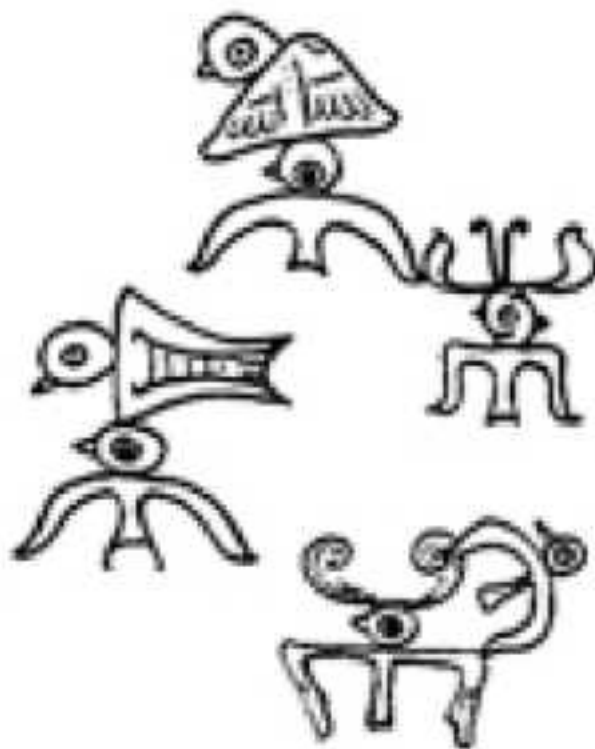
Чары и до сих пор могут не иметь отношения к небесным и мировым явлениям. Заговоры и чары, видимо стоящие вне сферы богопочитания, созданные даже вчера и сегодня, могут быть по своему характеру более первобытны, чем заведомо древние – со следами языческого Божества». По словам Е. В. Аничкова, «в народном сознании заклинание и молитва хотя и сосуществуют, но довольно отчетливо различаются». Так, например, в белорусских молитвенных песнях христианского Бога просят допустить до «заклинания» весны» (3).

Предприняв исследование русской народной магии мы рассматриваем различные ее виды, ищем в ней соотнесения с конкретными историческими событиями, происходившими на Руси в различные исторические периоды и стараемся опираться лишь на подлинные события и подлинные документы, избегая спекуляций на темы народной магии, которые позволяют себе недобросовестные исследователи, не считающие для себя зазорным досочинить тот или иной заговор или заклинание. Мы также сочли своим долгом пояснить те или иные заговоры и заклинания, дабы человек осмысленно произносил их. Хотим уточнить, что магическая практика исключает возможность тупого заучивания заклинаний. Народный целитель он не только использует заклинание, он еще и творит его. Мало знать его наизусть, надо еще вложить всего себя, свои духовные силы и психическую энергию в эти волшебные слова – и только тогда перед вами откроется все тайное могущество великорусских заклинаний.

Надо также уточнить, что в русской традиции – непременно отличать белую магию от черной. При этом к черной относились вызывание мертвецов, наведение порчи, выведывание тайн и секретов у посторонних людей, в то время как белая служила предсказанию будущего, целительству, вызыванию нужных для села погодных условий.

«В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали: кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли: волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди были известны под общим именем чернокнижников», – пишет великий знаток русской старины и собиратель фольклора И.П.Сахаров (2). И приводит старинную легенду о Черной книге. «Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем. Какой-то злой чернокнижник, заключенный в медном городе, получил завет от старой ведьмы отыскать книгу. Когда был разрушен медный город, чернокнижник, освободясь из плена, опустился в море и достал Черную книгу. С тех пор эта книга и гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного чернокнижника, который мог бы достать Черную книгу из стен Сухаревой башни. Говорят, что она связана проклятьем на десять тысяч лет...

В нашей книге вы узнаете о тех книгах, которые в старину именовались «черными» или «отреченными», о секретах русских колдунов, об их преследованиях, об уникальных методах гадания и предсказания будущего и о том, как их применяли.

Глава 1. Любовная ворожба

Любовная магия, любовная ворожба издревле процветали на Руси. И до сих пор в нашей стороны любовные привороты остаются одним из наиболее популярных видов магических практик. Однако всегда с этой магией связывали нечто черное, нечистое, особенно в допетровские времена, когда чародеек и волшебниц опасались всюду. Тем более – в царском дворце. В 1638 году, при дворе, одна из мастериц, Дарья Сновидова «показала» на свою подругу, тоже мастерицу, Дарью Ломанову, будто бы последняя «пепел сыпала на след государыни-царицы». Немедленно началось следствие. По ходу следствия выявились «жонки-колдуньи» Настасья, да Манька-Козмиха и другие, «которые мужей к жон– кам привораживают».

Дарья на допросе призналась, что ходила к ворожейкам, что бы научиться приговору, вроде: «Как де соль в естве любят, так бы муж жену любил» или «Сколь де мыло борзо(быстро – А. А.) смоеся, так бы и муж (скоро) полюбил...» и т. п.

Всех выявленных бабок пытали в том, что не имели ли они чего-либо против государя и его семейства обвиняли в «порче» царицы Евдокии.

Пытка была произведена огнем, но, несмотря на такие ужасные мучения, нечего предсудительного не оказалось, кроме вздорного нашептывания.

На всякий случай, тем не менее, после пыток Ломанову с мужем сослали в Пелым (поселение в Сибири), Маньку-Козлиху в Соликамск, слепую Феклицу с мужем – в Вятку, а слепую Дуньку – в Сольвычегодск, всех же соприкосновенных с указанной мастерицей выгнали из дворца.

Чем же занимались упомянутые «вещие жонки»: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Феклица, Машка-Козмиха? «Чаровницы» эти предлагали свои услуги посредством наговоров над какой-либо вещью. Так к московской чародейке Наське-Черниговке прибега ли женщины, страдавшие от побоев, которыми их награждали мужья.

Колдунья должна была «отымать сердца и ревность от мужьев» а когда жены жаловались на холодность мужей – приворожить их к разлюбленной жене и отнять «сердце и ум».

Наська наговаривали «волшебные слова» на «соль, мыло и белила». После – приказывала женщинам мылом умываться, а белилами – белиться. Соль же велено было класть в питье и яство мужьям. Забирала у женщин ворот рубашки и сжигала его, наговаривала на пепел и – так же приказывала сыпать в питье мужу.

Завораживая соль, чародейка приговаривала: «Как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил...» Над мылом уже упомянутое: «сколь скоро мыло с лиса смоеся, столько бы муж жену полюбил».

Когда сжигался ворот рубашки, колдунья говорила: «Какова была рубашка на теле, таков бы муж к жене был...» Сожженный ворот рубашки служил также и для умиловления господ. Вот для этого-то и надобно было посыпать пеплом на след, когда господин или госпожа будут идти.

О произнесении заговоров

Заговоры принадлежат к древнейшим временам народного творчества. В них выражается желание вызвать или устранить какое-нибудь явление. В происхождении других заговоров видно иноземное влияние. Почти каждый заговор разлагается на 5 частей.

В первой части заговора перечисляются действия, совершаемые заговаривающим лицом.

Во второй части обозначаются желания, указывающие на цель заговора.

Третья часть представляет собой символический образ желаемого действия.

Четвертая часть заговора мифологическая. В нее вводятся одухотворенные силы природы или фантастические существа, влияющие на жизнь человека.

Пятая часть – заключительная, «замыкание» («замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь»). Замыкание можно рассматривать как самостоятельный заговор, произносимый для усиления первого. Замыкание является особенностью русского заговора. Восточные заговоры также очень много походят на русские. Более всего заговоры практиковались на территории Малороссии (нынешней Украины).

Также «замыкательными» словами служат и такие выражения: «Будьте мои слова крепки и легки до веку, нет моим словам переговора и недоговора, будь ты мой приговор крепче камня и железа». А начинаются большей частью заговоры словами: «Встану я, раб Божий, благословясь, умоюсь водою-росою, утрюсь платком тканым, поеду, перекрестясь, из избы к двери, из ворот в ворота на восток» и т. д.

Заговоры и заклятия совершают знахари и знахарки. В заговорах эти люди обращаются к силам природы и явлениям, к солнцу, к луне, к звездам, заре, ветрам, грому, огню, молнии, дождю, граду, снегу, буре и к другим проявлениям природы.

Заговор знахари обыкновенно начинают произносить громким голосом и с какими-либо жестами или с серьезным выражением лица и глаз. Если заговор произносится над больным, или над какой-либо болезнью, то его произносят шепотом, а потом дуют и плюют или машут рукой.

Заговоры имеют силу и значение только от людей, произносящих их, сильных духом и волей, иначе заговор не имеет никакой силы и влияния на заговаривающего.

По преданиям древних «ведунов» и «заговорщиков», из «заговора» ни одно слово не должно быть выкинуто, а также и прибавлено; каждое слово имеет свое значение, и если заговорщик его почему-либо пропустит или скажет лишнее слово, то заговор не подействует. «Заговор» передается заговорщиком лицу моложе себя, и после третьего лица заговор теряет силу для старшего заговорщика, т. е. каждый заговорщик может передать «заговор», чтобы не потерять силу, только двоим.

У заговорщика должно быть крепкое здоровье, нравственная жизнь, воздержание от вина и от других излишеств. Многие «заговоры» произносятся утром, на заре, или перед восходом солнца и обязательно натошак, или перед заходом солнца, и чаще всего в легкие дни, в понедельник заговоров произносить никогда не следует, потому что они в этот день не имеют силы. А также заговор лучше всего произносить в первые дни по новолунии. Заговоры бывают «личные» и «заочные», т. е. можно заговаривать кого-либо лично или в его отсутствие; заговоры произносятся перед водой, хлебом, над прутьями, ветками, на пороге, на дороге, на перекрестке, в бане, в избе, в конюшне, на сеновале, в поле, на огороде, на мельнице, на вечере, на свадьбе, на вечеринках, на ветре, на дожде, на снегу, на льду, на песке, на болоте, в лесу, на дороге, на колосьях ржи, на ячмене, на арбузах, яблоках и других плодах.

Заговоры на девичью любовь (говорит мужчина)

Лягу я, раб Божий, помолясь,
Встану я, благословясь,
Умоюсь я росою, утрюсь постельной пеленою,
Выйду я в чистое поле, во зеленое поморье.
Стану я на сырую землю,
Погляжу я на восточную сторонушку,
Как красное солнышко возсияло,

Припекает мхи, болота, черная грязь.
Так прибегала бы, присыхала бы раба Божия (такая-то).
Очи в очи, сердце сердце, мысли в мысли.
Спать бы она не засыпала,
Гулять бы не загуляла.
Аминь тому слову.

Примечание: Если бы заговоры произносились «сами по себе», то они могли бы посчитаться «нечистыми». Однако упоминание имен святых, и тем более слов, часто используемых в христианских молитвах придавало заговорам в глазах заговаривающего некую извинительную чистоту.

Одним из таких постоянно приговариваемых обязательных слов в «чистых» заговорах было слово богослужения «Аминь», из древнееврейских колдовских заклятий(по-гречески – «amen»)), означающее, буквально «Истинно, верно», а в современном нашем обществе равносильно подписи-резолуции начальника на бумаге, типа: «Утверждаю».

* * *

Исполнена есть земля дивности.
Как на море на Окиане, на острове на Буяне,
Есть бел-горюч камень Алатырь.
На том камне устроена огнепалимая баня,
А в той бане лежит разжигаемая доска,
На той доске – тридцать три тоски.
Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски
Из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка,
Оттуда через все пути и дороги и перепутья,
Воздухом и аером(«аер» – тот же воздух, напр.»аэрация» – Авт.).
Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски,
В буйную ее голову, в тыл, в лик, в ясные очки,
В сахарные уста, в ретивое сердце, в ее ум и разум.
В волю и хотение, во все ее тело белое,
И во всю кровь горячую, и во все ее кости, и во все составы,
В 70 составов, полусоставов и подсоставов.
И во все ее жилы,
В 70 жил, полужил и поджилков,
Чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала,
По всяк день, по всяк час, по всякое время,
Нигде б пробыть не могла, как рыба без воды.
Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко,
Из дверей в двери, из ворот в ворота,
На все пути и дороги и перепутья,
С трепетом, тужением, с плачем и рыданием,
Зело спешно шла бы и бежала,
И пробыть без (такого-то) ни единой минуты не могла.
Думала бы о (таком-то) не задумала, спала б не заспала,

Ела бы не заела, пила б не запила, и не боялась бы ничего,
Чтоб он ей казался милее свету белого,
Милее солнца пресветлого, милее луны прекрасной,
Милее всех и даже милее сну своего, по всякое время,
На молоду, под поля, на перекрое, и на исходе месяца.
Сие слово есть утверждение и укрепление,
Им же утверждается, и укрепляется и замыкается.
Аще ли кто от человек, кроме меня,
Покусится отмыкать страх сей,
То буди яко червь в свище ореховом.
И ничем, ни аером, ни воздухом, ни бурею, ни водою
Дело сие не отмыкается.

Примечание: Заговоры-приказы подобного рода, произносимые с верою в достижимое желание, а значит со страстью, автоматически вселяли в заговаривающего уверенность в собственных силах. Он – менялся, он начинал бросать торжествующие «покровительственные» взоры на уже «взятую» (в его глазах) девицу. Он вел себя куда увереннее и наглее.

Подобные изменения не проходили незамеченными. Начинались толки, и родители девицы, да и она сама начинали иначе смотреть на этого человека – во всяком случае, куда большим интересом, чем раньше.

Окончательно «закрепляя» этот заговор колдун упомянул «аер», а затем – «воздух». Под «аером», понимался сам «воздух», слова «аэрофлот» и, уже устаревшее, «аэроплан» – это, производные именно «аера». Под «отмыканием» с помощью «аера» имелось в виду, видимо, отпаривание сургучной печати с ленты, запечатывающей

почтовое письмо или посылку. Заговор, тем самым, уподоблялся «печати».

* * *

На море, на Окияне есть бел-горюч камень,
Алатырь, никем не ведомый.
Под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца.
Выпускаю я силу могучу на (такую-то) красную девицу.
Сажаю я силу могучу во все составы (суставы – АА),
Полусоставы, во все кости и полукости,
Во все жилы и полужилы.
В очи ее ясные, в ее щеки румяные,
В белу грудь, в ее ретиво сердце,
В утробу, в ее руки и ноги.
Будь ты, сила могуча, в (такой-то) красной девице неисходно!
А жги ты, сила могуча, ее кровь горючую,
Ее сердце кипучее на любовь,
К (такому-то) полюбовному молодцу.
А была бы красная девица (такая-то)
Во всем послушна полюбовному молодцу (такому-то)

По всю его жизнь.
Ничем бы красная девица не могла отговориться,
Ни заговором, ни приговором,
И не мог бы ни стар человек, ни млад Отговорить ее своим словом.
^ово мое крепко, как бел-горюч камень Алатырь Кто из моря всю
воду выпьет,
Кто из поля всю траву выщипит,
И тому мой заговор не превозмочь,
Силу могучу не увлечь!

Примечание: Чем более красочен и продолжителен был любовный приворот, а данное заклинание – он и есть, тем действеннее он считался. Разумеется очень многое решалось и способом применения приворота.

Если, например, влюбленный знал, что его подслушивают или что за ним подсматривают, он мог нарочно и специально начитать столь страшный заговор, чтобы легковверная любопытствующая девица, ее родственница или подружка могла стать полностью убежденной в «неотвратимости» любви и последующих событий.

Фактически, в который раз, речь вновь и вновь шла о «народных» стихийно возникших методах внушения, самовнушения и гипноза.

* * *

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Стану, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, выйду в чистое поле, в широкое раздолье; навстречу мне средь чистого поля и широкого раздолья – семьдесят буйных ветров и семьдесят вихров, и семьдесят ветрович и семьдесят вихрович. Пошли они на Святую Русь зеленого лесу ломать и на землю из корня вон воротить, пещеры каменные разжигать. И тут я, раб Божий (имя), помолюсь им и поклонюсь: Ой вы, 70 буйных ветров и 70 вихров, и 70 ветрович и 70 вихрович, не ходите вы на Святую Русь зеленого лесу ломать, из корня вон воротить, пещеры каменные разжигать, пойдите разожгите у рабы Божьей (имя) белое тело, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ее, чтобы она, раба Божья (имя), не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни слова говорить, ни речи творить без меня, раба Божья (имя). Как меня она, раба Божья (имя), увидит или голос мой услышит, то радовалось бы ее белое тело, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы, все суставы веселились.

И как ждет народ Божьего владычного праздника, светлого Христова Воскресенья и звону колокольного, так бы она раба Божья (имя) дожидалась: на который день меня не увидит или гласа моего не услышит, так бы она сохла, как скошенная трава в поле; как не может быть рыба без воды, так не могла бы быть она без меня, раба Божья (имя). Тем моим словам и речам ключевые слова. Аминь, аминь, аминь.

Примечание: Этот заговор говорится на пищу и питье.

Психология народных обрядов коренится в религиозном мирозерцании. Заклинающий человек властен над природой, она служит только ему; оттого он сам чувствует себя Богом. Это подтверждается массой фактов, собранных о людях-Богах. Состояние сознания заклиняющего природу, по словам Е. В. Аничкова, еще не религия, но то смутное мировоззрение, в котором таились уже зачатки религии. Заклинание – это древнейшая форма религиозного сознания.

Приемы обрядов-заклинаний, а отсюда и всех народных обрядов, можно сблизить с магией, как позитивной наукой. Этим объясняется твердая вера в силу чар и осуществимость заклинаний. Заклинатель всю силу свою сосредоточивает на желании, становится как бы воплощением воли. Эта воля превращается в отдельную стихию, которая борется или вступает в дружественный договор с природой – другою стихией. Это – демоническое слияние двух самостоятельных велений; две хаотические силы встречаются и смешиваются в злом объятии. С этим связано обращение к духам ветра – «ветровичам и «вихоровичам».

Стану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, из избы не дверями, из двора не воротами, в чистое поле. В том поле есть океан-море, в том море есть Латырь-камень, на том камне стоит столб, от Земли до Неба огненный, под тем столбом лежит змея жгуча, опа-люча. Я той змее поклонюсь и покорюсь: ой ты, змея! не жги, не пали меня, полети под восточ-ную сторону, в высок терем, в покои, пухову перину, шелкову подушку, к девице (имя); разожги и распали у той девицы белое тело, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь; чтоб она не могла ни жить, ни быть, часучасовать и минуты миновать; поутру вставала – обо мне бы вздыхала; ни с кем бы она думы не думала, мысль не мыслила, плоду не плодила, плодовых речей не говорила; ни с отцом, ни с матерью, ни с родом, ни с племенем, кроме меня, раба Божья (имя).

Все бы она, девица (имя), со мной думу думала, мысль мыслила, плод плодила, плодовые речи говорила – на старый и новый Месяц.

Будьте те мои слова недоговорены, переговорены, все сполна говорены. Ключ сим словам в зубы, замок в рот.

Примечание: Интереснее и красивее всего объяснение камня Алатыря, данное Веселовским. Этот Алатырь, Латырь или Алатр-камень белый, горячий, светлый, синий, серебряный – светится в центре массы заклинаний и обладает чудотворной силой. Лежит он на море-Окияне, на острове Буяне, который мифологи считали страной вечного лета. Под камнем лежат три доски, под досками – три тоски. «На Воздвижение, – рассказывают крестьяне, – змеи собираются в кучу, в ямы, пещеры, яры на городищах, и там является белый, светлый камень, который змеи лижут и излизывают весь». Таковы темные сказания о таинственном камне. Рассказ о том месте, где он лежит, можно найти в новгородской былине: Василий Буслаев, бахвалясь в Ерусалиме, пихал ногой череп (голову Адама); череп этот лежит не доезжая камня Латыря и соборной церкви на Фаворе. Скача через бел-горюч камень Латырь – тот самый, на котором преобразился Иисус Христос, – новгородский революционер сломил себе голову – убился до смерти. Изучая западные легенды и показания русских путешественников, Веселовский сблизает заповедный камень Алатырь с алтарем: народная фантазия, говорит он, нашла символический центр сказаний – алтарный камень, алтарь, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено высшее таинство христианства (3).

* * *

Встану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами в чистое поле, погляжу и посмотрю под восточну сторону; под восточной стороной стоят три печи: печка медна, печка железна, печка кирпична.

Как они разожгись и распалились от Неба и до Земли, разжигаются Небо, Земля и вся Вселенная, так бы разжигало у рабы Божьей (имя) к рабу Божьему (имя) легкое, печень и

кровь горячу, не можно ей ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни спать, ни лежать, все на уме меня держать. Недоговорены, переговорены, прострелите мои слова пице вострого ножа и рысьего когтя.

* * *

Примечание: для того чтобы вызвать силу, заставить природу действовать и двигаться, это действие и движение изображают символически. «Встану», «пойду», «умоюсь» – так часто начинаются заговоры, и, очевидно, так делалось когда-то; с такими словами заклинатель входит в настроение, вспоминает первоначальную обстановку, при которой соткался заговор; но, очевидно, ему нет нужды воспроизводить эти действия, довольно простого слова; притом же это слово и не всегда выполнимо: «Оболокусь я оболочком, обычусь частыми звездами», – говорит заклинатель; и вот он – уже маг, плывущий в облаке, опоясанный Млечным Путем, наводящий чары и насылающий страхи (3).

* * *

Четыре зорницы, четыре сестрицы: первая – Мария, вторая – Марфа, третья – Марина, четвертая – Макрида, – подите сюда, снимайте тоску и великую печаль с гостей, с властей, с кручинных тюремных людей, солдатовновобранцев и с малых младенцев, которые титьку сосали и от матерей остались; наложите тоску и телесную сухоту, великую печаль на рабу Божью (имя), чтобы она не могла бы ни жить, ни ходить, ни лежать, ни спать, все по мне, рабе Божьей (имя), тосковать. Тем словам и речам ключевые слова. Аминь, аминь, аминь.

Примечание: Макрида – святая великомученица, именины которой приходились на 1 августа. С этим днем были связаны различные приметы, как то: «Вёдро на Макриду – осень сухая. Коли на Макриду мокро – страда ненастная. На Мокрицы если дождь – сев озимых хлебов будет хорош. Если в этот день будет дождь, не будет орехов. Оводы кусают последний день. Полетел пух с осины – иди за подосиновиками».

Соответственно и заговор был особенно действенным в ночь на 1 августа.

* * *

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Стану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду в чистое поле. В чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске – тоска. Я той доске, раб Божий (имя), помолюся и поклонюся. Ой, тоска, не ходи ко мне, рабу Божью (имя), а пойди, тоска, навалься на красную девицу, в ясные очи, в черные брови, в ретивое сердце. Разожги у нее, рабы Божьей (имя), ретивое сердце, кровь горячую по мне, рабе Божьей (имя), чтоб не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крепость. Аминь, аминь, аминь.

Примечание: в этом заговоре звучит популярный в народе мотив разожжения в объекте любви страстной любовной тоски и томления.

* * *

Встану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в ворота, в чистое поле, стану на запад хребтом, на восток лицом, посмотрю на чистое небо. С ясного неба летит огненная стрела. Той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетела, огненная стрела?» – «В темные леса, в зыбучие болота, в сырые корни!» – «Ой ты, огненная стрела, воротись и летай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна девица (имя), влети ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарные уста, в ясные очи, в черные брови, чтобы она тосковала, горевала весь день: при Солнце, на утренней заре, при младом Месяце, на ветрехолоде, на прибылых и на убылых днях, отныне и до века».

Примечание: под огненной стрелой имеется ввиду метеорит

* * *

Как младенец от матери прочь не отходит, держится, сохнет всякий час и всякое время, как косяк босняка держится, так бы держалась раба Божья (имя), крепко и плотно, не отходила, держалась и сохла крепко, как двери от об дверей не отходят, держатся крепко, как печная доска от печи прочь не отходит, горит и сохнет, так бы раба Божья (имя) от меня сохла, горела, прочь не отходила всякий час, во всякое время. Стану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду в чистое поле.

В чистом поле Красное Солнце греет и согревает сыроматерую землю; как от Красного Солнца обсыхает роса медвяная, так бы сохло и ретивое сердце у рабы Божьей (имя) по мне, рабе Божьей (имя). Как Красное Солнце согревает сыроматерую землю, щипется, колется и сохнет, как хмель вьется и тянется по сырой земле, так бы пусть вилося и тянулось ретивое сердце ко мне, рабу Божьему (имя), на всякий час, на всякое время. Пойду я, раб Божий, по зорю Марию, по зорю Маремьянию ко Господню престолу. На Господнем престоле мати Мария и Маремьяния, приду я к тебе, раб Божий (имя), низко поклонюсь и помолюсь: как на тебе нетленные ризы держатся, так бы держалась раба Божья (имя).

Пойду я, раб Божий (имя), подле синего моря: есть в море ковыль-щучка, без воды не может ни жить, ни быть ни дня, ни ночи, ни малого часа. Поди та тоска в семьдесят жил и в семьдесят суставов, во становые две жилы и в едину, в попятную и спиновую жилу. Тем моим словам ключ и замок. Брошу замок в морскую пучину: тем моим словам ключа не бывает и того замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь.

Эта присуха говорится над пищей и питьем.

Примечание: Маремьяния – св. Мариам, преподобная Мариамна, сестра ап. Филиппа проповедовала Евангелие в Ликаонии (Малая Азия). В русской народной поэзии она преобразилась в Маремьяну Праведную и почему-то в Маремьян у-Кикимору, день которой праздновался 1 марта... О погоде 1 марта говорили: вздел Ярило зиму на вилы. После Крещения цыган шубу продает, а морозов жди на Афанасия-пучеглаза, на Федора–тирана (тирона) и Маремьяну – кикимору. В средневековой Руси в этот день встречали Новый год, и традиция не работать 1 марта сохранялась до XIX века. Если с первых дней весна разгульна, незастенчива – обманет, верить нечего.

* * *

Встану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, на все четыре стороны поклонясь, выйду из избы дверями, из двора – воротами, погляжу на чистое поле, посмотрю зорко на восточную сторону. На восточной стороне стоят три разные печи: печь медная, печь железная, печь глиняная. Все эти печи разжигались и раскалялись от земли до неба, так бы горячо разжигало у рабы Божьей (имя) ко мне, рабу Божьему (имя), сердце и кровь горячу; чтобы не могло ей было ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, ни стоять, ни лежать, а все бы меня, раба Божьего, на уме держать. Что недоговорено и переговорено, прострелите мои словеса, пуще вострого меча и вострей звериного когтя!

Примечание: вновь повторяющийся мотив трех разного рода печей (похожий заговор см. выше). Печь всегда была символом налаженного быта, устроенного дома.

* * *

Встану рано, не благословясь, пойду быстро, не перекрестясь, помчусь в чистое поле, аки вихрь. В чистом поле стоит ракитов куст, а в том кусту сидит толстущая баба, сатанина угонница, людская греховодница. Поклонюсь я той толстущей бабе, отступлюсь от отца, от матери, от роду, от племени. Поди ты, толстущая баба, разожги горячей огня у красной девицы (имя) сердце по мне, рабе добре молодце (имя).

Примечание: ракита – род верьбы, ивы, сакральный кустарник, уверяют, что «и ракитов куст за правду стоит», то есть в реальности были случаи, когда он послужил уликой для поимки убицы. Так что приведен этот образ здесь не для красного слоавца, сколько для того, чтобы подчеркнуть серьезность намерений претендента на место в девичьем сердце.

* * *

На море на окияне, на острове на Буяне, лежит тоска, бьется тоска, убивается тоска, с берега в воду, из воды в полымя, из полымя выбегает сатанина и громко кричал: «Павушка Раманея, беги поскорее, дуй рабе (имя) в губы, в уши, в глаза, в белое тело, в алую кровь, в сердце ретивое, в печень и в легкое, чтобы она, раба (имя), тосковала и горевала всякую минуточку, и днем и ночью, ела бы – не заела, пила – не запила, спала бы – не заспала, а все бы тосковала обо мне, добре молодце (имя); чтобы я был ей люб лучше всякого другого молодца, ближе родного отца, слаще родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговор 77-ю крепкими замками, 77-ю гремучими цепями, бросаю ключи в окиян-море, под бел-горюч камень – Алатырь.

Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает песок со всего моря, – тот отгонит тоску.

Примечание: Павлин (Pavo cristatus) издавна на Руси считался символом горделивости и надменности, а также символом спесивой красавицы. А вот «романея» – это крепкая и сладкая настойка на фряжском (венецианском) вине – то есть имеется ввиду дама горделивая, с красотой дурманящей и пьянящей.

Встану я на заре утреней, пойду я на зеленый луг, брошу по ветру слова мудрые, пусть та девица, (имя), что люблю ее жарче пламени, обожгут ее сердце доброе, пусть уста ее, уста сахарны, лишь к моим устам прикасаются, от других же уст удаляются, глаза жгучие пусть глядят на меня, дружка (имя) добра молодца, день и ночь они, улыбаючись. О, пронзите же красной девице (имя) сердце доброе мои реченьки, как стрела огня молненосного, растопите ее мысли-думушки, чтобы все они были заняты только б мной одним, добрым молодцем (имя). Я же буду ей верен до смерти, верен до смерти, до могилушки. Так же пусть и она (имя) будет мне верна. Я слова свои скреплю золотом, скреплю золотом, залью оловом, скую молотом, как кузнец-ловкач в кузне огненной, в кузне огненной, в сердце трепетном. Так неси же ветер словеса мои в ту сторонушку, где живет она, друг-заснобушка (имя), и вернитесь вы, словеса мои, в сердце девицы (имя), что мила, любя, крепче солнышка, ярка месяца.

** * **

Подымусь, помчусь к быстрой реченьке, что бежит шумит лугом бархатным.

Речка быстрая, воды светлые, отнесите вы словеса мои красной девице (имя), что живет одна в той сторонушке и красна мила, аки солнышко!

Пусть не ест она, пусть не спит она, а лишь думает обо мне (имя) всегда, добре молодце.

Гложет пусть ее сердце чуткое змея лютая, тоска смертная, обо мне (имя) дружке, добре молодце.

Пусть глаза ее бирюзовые обо мне слезами умываются.

Пусть другие ей, как полынь-травя, будут не любви, я же буду ей люб, как солнышко в утро майское.

Пусть любовь ее будет так крепка ко мне, молодцу, что разрыв-травя не размыкает.

Пусть же, пусть она, красна девица (имя), без меня, дружка, от тоски не спит, не пьет браженьки, не ест хлебушка, погулянушки и на ум нейдут, а подруженьки ей советуют полюбить меня, добра молодца (имя), и ласкать меня, как ласкает мать дитя малое.

Ой, ты, реченька, речка быстрая, воды светлые и студенья, отнесите же красной девице (имя) мой завет и ключ от любви по мне, добре молодце (имя), и отдайте ей в руки белые ключ заветный мой, судьбой скованный в сердце-кузнице.

Отприте вы, воды светлые, тем ключом моим сердце девушки, что любя-мила мне, как Павушка.

Примечание: Разрыв-травя – в русских поверьях чудесное средство, разрушающее всевозможные запоры и узы, а также позволяющее овладевать кладами. Предания о разрыв-траве перекликаются с легендами о цветке папоротника, распускающемся в ночь на Ивана Купалу. Разрыв-траву обыкновенную в народе зовут «недотрога», «роскоростник», «не тронь меня». Она распространена в дубово-буковых лесах, во всех влажных местах – возле ручьев, рек, цветет среди лета крупными желтыми цветами с красными крапинками. Это растение принадлежит к семейству бальзаминовых, большая часть видов которых произрастает в тропиках. Представители этого семейства одно- и многолетние с сочными стеблями. На территории Украины растет 2 вида разрыв-травы: мелкоцветная – заносный сорняк, родом из Монголии, и обыкновенная.

* * *

Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле.

Сидит в чистом поле сама Пресвятая Богородица Мати Божья. Как она скрипит и болит по своему сыну, так бы по рабу Божьему (имя) раба Божья (имя) скрипела, и болела, и в огне горела, не могла бы она ни жить, ни быть, ни пить, ни есть. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Примечание: эту присуху наговаривают на воду или на пряник и дают выпить или съесть той, которую хотят приворожить.

* * *

На море на окияне, на острове на Буяне, лежит тоска, бьется тоска, убивается тоска, с берега в воду, из воды в полымя, из полымя выбегает сатанина и громко кричал: «Павушка Раманя, беги поскорее, дуй рабе (имя) в губы, в уши, в глаза, в белое тело, в алую кровь, в сердце ретивое, в печень и в легкое, чтобы она, раба (имя), тосковала и горевала всякую минуту, и днем и ночью, ела бы – не заела, пила – не запила, спала бы – не заспала, а все бы тосковала обо мне, добре молодце (имя); чтобы я был ей люб лучше всякого другого молодца, ближе родного отца, слаще родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговор 77-ю крепкими замками, 77-ю гремучими цепями, бросаю ключи в окиян-море, под бел-горюч камень – Алатырь.

Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает песок со всего моря, – тот отгонит тоску.

Как раб Божий (имя) любит рабу Божью (имя), так чтобы и раба Божья (имя) любила раба Божьего (имя), не могла бы без него ни жить, ни пить, ни есть; любила и почитала бы лучше отца и матери, белого Месяца и Красного Солнышка, веки на веки, отныне до веку. Аминь.

Примечание: этот заговор лучше всего наговаривать в полночь новолуния, глядя на молодой месяц через правое плечо.

* * *

Встану раненько, взойду на выськ шелом, ускричу, взоплю своим громким голосом:

«Ой вы, сатана со дьяволам[и] – со малыми, со великими! Вылезьте с окиян-моря, возьмите огненную тоску мою, пойдите по белу свету, не зажигайте вы ни пенья, ни колодья, ни сырые деревья, ни земли, травы – зажгите у рабы по мне душу!»

На море-окияне, на острове на Буяне стоит тут мыльня, в той мыльне лежит доска, на той доске лежит тоска!

Пришел я, раб божий (имярек): «Что ты, тоска, тоскуешь и горюешь?

Не тоскуй, тоска, не горюй, тоска! Пойди, тоска, уступи, тоска, рабе (имя рек), чтобы она тосковала и горевала по мне, по рабу (имя рек)! Как тот огонь горит в году и полугоду, днем и полудни, и часу, и получасу, и так бы та раба по мне, по рабу, горела: белое тело, ретивое сердце, черная печень, буйная голова с мозгом, ясными очами, черными бровями, сахарными устами!

Сколь тошно, сколь горько рыбе без воды, и так бы рабе (имя рек) тошно, горько по мне, по рабу, и дня и полудня, и часа и получаса, и году и полугоду, и неделе и полнеделе!

Встану я, раб (имя рек), на зоре на утренней, на восходе солнышка, на закате месяца и на покрытие звезд, и пойду я, раб, за белой брагой, за девичьей красотой из избы дверьми, из двора ворогами в чистое поле путем и дорогою, и приду я, раб, к Черному морю, и встану я, раб, на морской берег, и посмотрю я, раб, в морскую пучину, и увижу в той морской пучине лежащий белый Латырь-камень; на том на белом Латыре-камне сидящую царицу Ирода-царя, по имени Содомшо; у той царицы есть тридевять слуг, и тридевять прислужников, и тридевять верных раб, и двенадцать дочерей: Огнея, Гнетя, Знобей, Ломей, Пухля, Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лепчя, Сухота и Невея; и поклонюся я тебе, раб: «О маги, царица Соломия, наведи своих тридевять слуг и тридевять прислужников, и тридевять верных рабов, и всех своих двенадцать дочерей с пилами, с терпугами, с могучими и сильными большими молотами и с острыми великими булатными мечами и прикажи всем своим тридевять слугам, и тридевять прислужникам, и тридевять верным рабам, и всем своим двенадцати дочерям разбить и распилить сей белой Латырь-камень и вынуть из сего белого Латыря-камня палящий и гуляющий огонь; и прикажи зажечь смолевые пучки, и прикажи идти со всеми огнями, со всеми пучками, рабе в ясные очи, в черные брови, в буйную голову, в белое тело, в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь и во все ее семьдесят жил, и во все ее семьдесят суставов – в ручное, в головное, в станное и в подколенное; и прикажи всем своим тридевять слугам, и тридевять прислужникам, и тридевять верным рабам, и всем своим двенадцати дочерям разжигать и распяливать у рабы ясные очи, черные брови, буйную голову, белое тело, ретивое сердце, черную печень и горячую кровь, и все ее семьдесят жил, и все ее семьдесят суставов – ручные, головные, станные и подколенные; и чтобы у нее, рабы (имя рек), тлело бы, горело все ее тело, ясные очи, черные брови, буйная голова, ретивое сердце, черная печень, и горячая кровь, и все ее семьдесят жил, и все ее семьдесят суставов – ручные, головные, станные и подколенные, не могла бы она, раба, ни жить без меня, раба, и не быть, никаких тайных речей говорить ни с каким человеком; ни с отцом, ни с матерью, ни с сестрами, ни с братьями, ни с друзьями, ни с подругами; нигде бы ей, рабе, не засидеться и не стерпеть – ни в своем доме, ни в чужих людях; и всегда бы она, раба, плакала бы и рыдала, охала бы и стонала, сохла бы и тосковала, кручинилась бы и печалилась обо мне, рабе, во всякий день, во всякий час, во всякую минуту, в полне и в перекрое, на нове и молодом месяце, век по веку!»

Примечание: этот заговор надо говорить на кислое яблоко; когда говоришь первые 12 слов, ударяй ножом в яблоко; как точка, так тут и ударь ножом; а говорить в самую полночь:

** * **

Надо поймать и убить голубя, достать сало, на сале замесить тесто, испечь из него калачик либо кокурку или тому подобное и этим накормить любимую девушку, приговаривая: «Как живут между собою голубки, так же бы любила меня раба божия (имя рек)!»

** * **

Примечание: этот заговор наговаривается на пищу или питье, которые дают привораживаемому, или на след его:

Встану я, раб божий (имя рек), и пойду из дверей дверьми, из ворот воротами под восток, под восточную сторону, под светлый месяц, под луну господню, к тому синему морю,

синему морю-окияну; у того синего моря лежит бел Алатр-камень; под тем под белым Алатром-камнем лежат три доски, а под теми досками три тоски тоскучие, три рыды рыдучие; подойду я близехонько, поклонюсь низехонько: «Вставайте вы, матушки три тоски тоскучие, три рыды рыдучие, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя рек) девицу, разжигайте ее во дни, в ночи и в полночи, при утренней заре и при вечерней! Садитесь вы, матушки три тоски, в ретивое ее сердце, в печень, в легкие, в мысли и в думы, в белое лицо и в ясные очи; дабы раб божий (имя рек) казался ей пище света белого, пище солнца красного, пище луны господней; едой бы она не заедала, питьем бы она не запивала, гульбой бы не загуливала; при пире она или при беседе, в поле она или в доме – не сходил бы он с ее ума-разума!»

Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата!
Замыкаю я вас тридевятью замками,
запираю я вас тридевятью ключами!
Нет моим словам переговоров и недоговора,
и не изменить их ни хитрому, ни мудрому!

* * *

Стану я, раб божий (имя рек), благословясь,
пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами
в чистое поле; на желтом песку есть белая рыбица;
как белая рыбица тоскует и мечется,
и не может без воды жить, ни дневать, ни часу часовать,
на всяк день и на всяк час, и как у белой рыбицы прилегла чешуя
от головы до хвоста,
так бы прилегли ко мне, рабу божию (имя рек), у нее, рабы божней
(имя рек),
думы и мысли на всяк час, и на всяк день в полном месяце
и по все четные, во все двадцать четыре часа всегда,
ныне и присно и во веки веков! Аминь.

* * *

Встану я (имя рек) и пойду из дверей в двери, из дверей в ворота в чистое поле; навстречу мне огонь и полымя и буен ветер; встану и поклонюсь им низешенько и скажу так: «Гой еси, огонь и полымя!»

Не палите зеленых лугов, а буен ветер, не раздувай полымя, а сослужите службу верную, великую: выньте из меня (имя рек) тоску тоскучую и сухоту плакучую; понесите ее через моря и реки, не утопите, а вложите ее в рабу божию (имя рек), в белую грудь, в ретивое сердце, и в легкие, и в печень, чтоб она обо мне, рабе божием (имя рек), тосковала и горевала денно, ночью и полночно; в сладких ествах бы не заедала, в меду, пиве и вине не запивала!» Будьте вы, мои слова, крепки и лепки отныне и до веку!

Закрываю крепким замком и ключ в воду!

Примечание: этот заговор наговаривается на пищу и питье, которые дают привораживаемому лицу, или на его след.

* * *

Встану я (имя рек) и пойду из дверей в двери, из ворот в ворота в чистое поле, в широкое раздолье, к синему морю-окиану; у того у синего моря-окиана лежит Огненный змей; сряжася и снаряжается он зажигать горы и доли и быстрые реки, болотные воды со ржавчиною, орлицу с орлятами, скопу со скопятами, травы подкошенные, леса подсеченные!

Подойду я поближе, поклонюсь пониже:

«Гой еси ты, Огненный змей! Не зажигай ты горы и доли, ни быстрые реки, ни болотные воды со ржавчиною, ни орлицу с орлятами, ни скопу со скопятами; зажги ты красну девицу (имя рек) в семьдесят семь суставов, в семьдесят семь жил и в единую жилу становую, во всю ее хоть; чтоб ей милолось и хотелось, брало бы ее днем при солнце, ночью при месяце, чтобы она тосковала и горевала по (имя рек), сном бы она не засыпала, едою не заедала, гульбою не загуливала! Как белая щука-рыба не может быть без проточной воды и без пробежи, так бы красная девица (имя рек) не могла бы без (имя рек) ни жить, ни быть!»

Будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня и булата, острого ножа и борзаметкого копья!

А ключ моим словам и утверждение, и крепость крепкая, и сила сильная в небесной высоте, а замок в морской глубине!

Примечание: этот заговор наговаривается на еду или питье, которые дают привораживаемому, или на его след.

* * *

Встану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из дверей в ворота в чистое поле; стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо: со ясна неба летит огненна стрела; той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее:

«Куда полетела, огненна стрела?»

– «Во темные леса, в зыбучие болота, в сырое кореньё!»

– «О ты, огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошлю!

Есть на святой Руси красна девица (имя рек),

полетай ей в ретивое сердце, в черную печень,

в горячую кровь, в становую жилу,

в сахарные уста, в ясные очи, в черные брови,

чтобы она тосковала, горевала весь день,

при солнце, на утренней заре, при младом месяце,

на ветре-холоде, на прибылых днях

и на убылых днях, отныне и до века!»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь!

В печи огонь горит, палит и пышет

и глит дрова; так бы тлело, горело сердце

у рабы божией (имя рек) по рабе божием (имя рек)

во весь день, по всяк час, всегда, ныне и присно

и во веки веков! Аминь.

* * *

Встану я, раб божий (имя рек), и пойду из избы в двери, из дверей в ворота в чистое поле под восток, под восточную сторону; навстречу мне семь братьев, семь ветров буйных! «Откуда вы, семь братьев, семь ветров буйных, идете? Куда поили?» – «Пошли мы в чистое поле, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные». – «Подите вы, семь ветров буйных, соберите тоски тоскущие со вдов, сирот и маленьких ребят, со всего света белого, понесите к красной девице (имя рек) в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскущую, сухоту сухотущую, в ее кровь горячую, в печень, в суставы, в семьдесят семь суставов и подсуставков, один сустав, в семьдесят семь жил, единую жилу становую; чтобы красная девица (имя рек) тосковала и горевала по (имя рек) во сне суточно, в двадцать четыре часа, едой бы не заедала, питьем она не запивала, в гульбе бы она не загулиwała, и во сне бы она не засыпывала, в теплой парусе калиновым целомом не смывала, шелковым венком не спаривала, пошла – слезно плакала!

И казался бы ей (имя рек) милее отца и матери, милее всего роду-племени, милее всего под лунной господней, скатного жемчугу, платья цветного, золотой казны!»

Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата! Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине, на рыбе на ките; и никому эту кит-рыбу не добыть, и замок не отпереть, кроме меня (имя рек)!

А кто эту кит-рыбу добудет и замок мой отперет, да будет яко древо, палимое молнией!

Примечание: этот заговор наговаривается на хлеб, вино и проч., что дается привораживаемому, также на его следы:

* * *

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Встану я, раб божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из дверей воротами в чистое поле зав^Лрами и взмолюся трем ветрам, трем братьям:

«Ветр Моисей, ветр Лука, ветры буйные, вихори!

Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещеному; распалите и присушите медным припоем рабу (имя рек) ко мне, рабу божью!

Сведите ее со мною – душа с душою, тело с телом, плоть с плотню; и не уроните, по всему белому свету гуляючи, той присухи крепкой ни на воду, ни на лес, ни на землю, ни на скотину и ни на могилу!

В воду сроните – вода высохнет; на лес сроните – лес повенет; на землю сроните – земля сгорит; на скотину сроните – скотина посохнет; на могилу к покойнику сроните – кость в могиле запрядает! Снесите и донесите, вложите и положите врабицу божью (имя рек), в красную девизу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть!

Чтоб красная девица не могла без меня, раба божия (имя рек), ни жить, ни быть, ни дня днєвать, ни часа часовать, о мне, о рабе божием (имя рек), тужила и тосковала».

В чистом поле сидит баба сводница, у той у бабы у сводницы стоит печь кирпична, в той печи кирпичной стоит кунжсан литр; в том кунжане литре всякая вещь кипит, перекипает, горит, перегорает, сохнет и посыхает!

И так бы о мне, рабе божьем (имя рек), рабица божья (имя рек) сердцем кипела, кровью горела, телом сохла и не могла бы без меня, раба божия (имя рек), ни жить, ни быть, ни дня днєвать, ни часа часовать; ни едой отъестись не могла бы от меня, ни питьем отпитья,

ни дутьем отдуться, ни гулянкой загулять, ни в бане отпариться! Тем моим словам ключ и замок, аки крест на церкви!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь, аминь, аминь!

Встану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из дверей воротами в чистое поле заворотами; выйду я, раб божий, на три росстани, и помолюсь я трем братьям-ветрам:

«Первый брат восток, второй брат север, третий брат лето! Внесите вы тоску и сухоту в рабищу божью (имя рек), чтоб она по мне, рабе божьей (имя рек), тоснула и сохла, не могла бы без меня ни дня дневать, ни часа часовать, отныне и до века и веки!»

Аминь.

Примечание: Говорится на пряник, который должен быть подарен любимой девушке:

** * **

Упокой, Господи, душу, в теле живущую у рабы твоя (имя рек)! Боли ее сердце, гори ее совесть, терпи ее ярая кровь, ярая плоть, легкое, печень, мозги!

Мозжитесь ее кости; томитесь ее мысли и день, и ночь, и в глухую полночь, и в ясный полдень, и в каждый час, и в каждую минуту обо мне, рабе божьей (имя рек)!

Вложи ей, Господи, огненную искру в сердце, в легкие, в печень, в пот и в кровь, в кости, в жилы, в мозг, в мысли, в слух, в зрение, в обоняние и в осязание, в волосы, в руки, в ноги – тоску и сухоту и муку; жалость, печаль и заботу и попечение обо мне, рабе (имя рек)!

** * **

Господи, благослови!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь! Лягу не благословясь, встану не перекрестясь; выйду из избы не дверями, со двора не воротами, не на путь, не на дорогу; пойду путем и дорогой, выйду в чистое поле, на край синего моря.

В чистом поле, на краю синего моря поставлены три огненных печи: печь израцатая, печь железная и печь булатная; во тех трех печах горят-разгораются, тают-растопляются дрова дубовые, дрова смолевые.

Так бы горело-разгоралось и таяло-растоплялось ретиво сердце у раба божия (имя рек) по рабе божьей (имя рек): чтобы не мог оный раб божий (имя рек) без рабы божьей (имя рек) ни жить, ни быть, ни сѣись, ни испить, ни часу счасовать, ни веку свековать, ни малой минуты миновать! Показалась бы раба божия (имя рек) рабу божью (имя рек) краше красного солнышка, светлее светлого месяца!

И не мог бы раб божий (имя рек) ни в квасе запить, ни в хлебе заесть, ни в жаркой бане замываться без рабы божьей (имя рек)!

Сохнул бы он и вянул день и ночь, и всякую пору, и всякий час, и всякую минуту, и во всяком месте!

Тем моим словам ключ и замок во веки веков! Аминь. Аминь. Аминь.

Отсушки

Осушки – это серия заклинаний, служащих для ослабления уже имеющейся симпатии между мужчиной и женщиной.

Встану я, раб божий (имя рек), не благословясь, пойду не перекрестясь из избы не дверьми, из сеней не воротами; выйду во чисто поле к синему морю, стану на самое подвальное бревно, погляжусь, посмотрю в подсеверную сторону: стоит в подсеверной стороне ледяной остров; на ледяном острове ледяная камора; в ледяной каморе ледяные стены, ледяной пол, ледяной потолок, ледяные двери, ледяные окна, ледяные стекла, ледяная печка, ледяной стол, ледяная лавка, ледяная кровать, ледяная постелья, и сам сидит царь ледяной!

В той ледяной каморе, на той ледяной печке сидит кошка польска, сидит собачка заморска, сидят друг ко другу хребтами; коли та кошка польска и та собачка заморска повернутся друг к другу мордами, царапаются и кусаются до кровавых ран! Так же бы грызлись и кусались раб божий (имя рек) с рабой божией (имя рек.) до синих пятен, до кровавых ран!

Не мог бы раб божий (имя рек) на рабу божью (имя рек) ни зреть, ни глядеть, ни в какой час, ни в какую минуту! Не могла же бы и раба божия (имя рек) на раба божия (имя рек) ни зреть, ни глядеть ни в какой час, ни в какую минуту!

Ай же ты, царь ледяной, не студи, не морозь ни рек, ни озер, ни синих морей! Застуди, заморозь ретиво сердце у раба божия (имя рек) и у рабы божией (имя рек), не могли бы вместе ни есть, ни пить, ни друг на друга посмотреть, ни думами подумать, ни мыслями помыслить! Казался бы раб божий (имя рек) рабе божией (имя рек) злее зверя лесного, лютее гада полевого; так же бы и раба божия (имя рек) рабу божью (имя рек)!

Аминь. Аминь. Аминь.

Наговаривают на питье и пищу того, на кого должен подействовать наговор:

Встану я (имя рек) и пойду из избы в двери, из ворот в ворота на быструю реку (названье реки), и стану я (имя рек) по три крата мыться и полоскаться по три зари утрени и по три зари вечерни, и приговаривати:

«Гой еси, река быстрая (название реки), прихожусь я к тебе по три зари утрени и по три зари вечерни с тоской тоскучей, с сухотой плакучей, мыти и полоскати лицо белое, чтобы спала с моего лица белого сухота плакучая, а из ретива сердца тоска тоскучая; и понеси ты, быстра реченька (название реки), своею быстрою струею, и затопи ты ее в своих валах глубоких, чтобы она никогда ко мне (имя рек) не приходила».

А все эти слова до слова заключаю замком крепким и ключ в воду!

Наговаривать на воду или съестное:

Стану я, раба божия (имя рек), не благословясь, и пойду не перекрестясь из избы не дверьми, из ворот не в ворота; выйду подпольным бревном и дымным окном в чистое поле; в чистом поле бежит река черна, по той реке черной ездит черт с чертовкой, а водяной с водяновкой; на одном на челне не сидят и в одно весло не гребут, одной думы не думают и совет не советуют, так бы раб божий (имя рек) с рабой божией (имя рек) на одной бы лавке не сидели, в одно окно бы не глядели, одной бы думы не думали, одного бы совета не советовали!

Собака бела, кошка сера – один змеиный дух! Ключ и замок моим словам!

* * *

На море на окияне, на острове на Буяне стоит столб; на том столбе стоит дубовая гробница; в ней лежит красная девица, тоска – чаровница; кровь у нее не разгорается, ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается; так бы и у (имя рек) сердце бы не сокрушалось, кровь бы не разгоралась, сама бы не убивалась, в тоску не вдавалась!

Аминь.

***** Для раздора между новобрачными**

Нашептывается трижды на вино и на щи, которые поданы новобрачным:

Встану я, раб дьявольский (имя рек), не благословясь, пойду не перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота новобрачных, и выйду я во чисто поле, во дьявольско болото; во чистом поле стоят ельнички, а на ельнички сидит сорок сороков – сатанинская сила! А во дьявольском болоте Латырь бел камень, а на Латыре бел камени сидит сам Сатана!

*И пойду я, раб, к Латырь бел камню,
и поклонюсь я, раб (имя рек), самому Сатане и попрошу его:
«Ой же ты, могуч Сатана, как ты умел свести
(имена мужа и жены), так умей и развести,
чтоб друг друга не любили, друг друга колотили
и порой ножом поразили! Ведь я твой раб,
я твой слуга, и по сей день, и по сей час,
и по мой приговор – во веки веков!»*

* * *

Чтобы муж жену любил:

*Как люди смотрятся в зеркало, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся;
а мыло сколь борзо смывается, столь бы скоро муж полюбил; а рубашка, какова на теле бела,
столь бы муж был светел!*

Заговоры для привлечения мужчин

*Стану я, раба (такая-то) благословясь,
Пойду, перекрестясь,
Из избы в двери, из двора в ворота,
Выйду в чистое поле, в подводосточную сторону.
В подводосточной стороне стоит изба,
Среди избы лежит доска, под доской – тоска.
Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается!
Белый свет красна солнышка дожидается, радуется и веселится!
Так меня, рабу (такую-то) дожидался, радовался и веселился,
Не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть.*

Ни на утренней заре, ни на вечерней!
Как рыба без воды, как младенец без матери,
Без материна молока, без материна чрева не может жить,
Так бы раб (такой-то), без рабы (такой-то)
Не мог бы жить, ни быть, ни пить, ни есть.
Ни на утренней заре, ни на вечерней,
Ни в обыдень, ни в полдень,
Ни при частых звездах, ни при буйных ветрах,
Ни в день при солнце, ни в ночь при месяце.
Впивайся тоска, въедайся точка, в грудь, в сердце,
Во весь живот рабу (такому-то),
Разростись и разродись, по всем жилам, по всем костям
Ноей и сухотой по рабе (такой-то).

Примечание: «Ноей», происходит, разумеется, от слова «ныть», а «сухота» – от слова «сохнуть». Подобные напасти, как предполагалось, должны были передаваться бедной «околдованной» девице. Колдун, или колдунья при этом всячески старались так или иначе, воздействовать более действенными способами, и, если удавалось, использовал самые примитивные яды. «Заказчика» заговора при эом всячески подбадривался и убеждали, что девица уже сохнет по нему «который день» и что осталось лишь совсем немного.

В случае вполне возможной неудачи обвинение строилось на том, что вмешался более сильный колдун, что с просьбой заговора обратились слишком поздно, или, что заказчик оказался не слишком-то щедр для того чтобы произвести «полноценные» магические действия. Как бы то ни было, колдун в накладе не оставался, тем более, что с целью «отчитки» от все той же «сухоты» и «ноеты» родители девицы могли обратиться опять-таки, к нему же!

* * *

Из свежего веника, сделанного из березовых веток, берут прут, который кладут на порог той двери, в которую должен пройти любимый человек. Кладя прут, нужно произнести такие слова:

«Как высох этот тоненький прут, так пусть высохнет и милый друг (имя) по мне, рабе (имя)».

Прут, когда человек, о котором заговаривают, прошел через порог, убирают в тайное место, потом топят баню, кладут этот прут на полки на верхнюю полку, поддают больше пару и, обращаясь в сторону, где лежит прут, говорят:

«Парься, прут, и будь мягок, как пушок, пусть и сердце (имя) будет ко мне, рабе (имя), так же мягко, как и ты».

После этого баню запирают, потом через некоторое время прут берут, относят на воду и пускают по течению. Прут пускать по реке нужно на заре.

Этот же заговор, но только для присухи чьего-либо сердца, делается так: прут кладут на порог, приговаривая, как сказано выше, затем после прохода, о ком заговаривают, прут кладут на жарко истопленную печь, приговаривая:

«Будь сух, пруток, как птичий ноготок, пусть так же сух будет и мой дружок (имя), а когда он ко мне подобрееет, тогда пусть краснеет, как яблочко наливное, и полнеет, как месяц ясный после новолуния».

** * **

Выйду я в чистое поле; есть в чистом поле белый кречет; попрошу я белого кречета – слетал бы он за чистое поле, на синее море, за крутые горы, за темные леса, в зыбучие болота и попросил бы он тайную силу, чтобы дала она помощь сходить ему в высокий терем и застать там сонного (имя), сел бы белый кречет на высокую белую грудь, на ретивое сердце, на теплую печень, и вложил бы рабу Божьему (имя) из своих могучих уст, чтобы он (имя) не мог без меня, рабы (имя), ни пить, ни есть, ни гулять, ни пировать.

Пусть я буду у него всегда на уме, а имя мое на его языке.

** * **

Встану я, красна девица, с зорькой красной, в день светлый и ясный, умоюсь я росой, утрусь мягкой фатою, оденусь мягким покрывалом, белым опахалом, выйду из ворот, сделаю к лугу поворот, нарву одуванчиков, душу на его пушок и пусть он летит туда, где живет мой милый дружок (имя), пусть пушок расскажет ему, как он дорог и мил сердце моему. Пусть после этих слов тайных, он полюбит меня явно, горячо и крепко, как люблю я его, рыцаря моего, дружка смелого, румяного, белого... Пусть его сердце растает перед моей любовью, как перед жаром лед, а речи его будут со мной сладки, как мед. Аминь.

** * **

Пойду я утром рано в зеленую рощу, поймаю ясна сокола, поручу ему слетать к неведомому духу, чтобы он заставил лететь этого духа до того места, где живет (имя), и пусть он нашепчет ему в ухо, и в сердце наговорит до тех пор, пока любовь в нем ко мне (имя) ярким пламенем заговорит. Пусть он (имя) наяву и во сне думает только обо мне (имя), бредит мною ночной порою, и гложет его без меня тоска, как змея гремучая, как болезнь смертная, пусть он не знает ни дня, ни ночи, и видит мои ясные очи, и примчится ко мне из места отдаленного легче ветра полуденного, быстрее молнии огнистой, легче чайки серебристой. Пусть для него другие девицы будут страшны, как львицы, как огненные гиены, морские сирены, как совы полосатые, как ведьмы мохнатые! А я для него, красна девица (имя), пусть кажусь жарптицей, морской царицей, зорькой красной, звездочкой ясной, весной благодатной, фиалкой ароматной, легкой пушинкой, белой снежинкой, ночкой майской, птичкой райской. Пусть он без меня ночь и день бродит, как тень, скучает, убивается, как ковыль по чисту полю шатается. Пусть ему без меня (имя) нет радости ни среди темной ночи, ни среди бела дня. А со мной ему пусть будет радостно, тепло, в душе отрада, на сердце – светло, в уме – веселье, а на языке – пенье. Аминь.

** * **

Заря-заряница, а я красная девица, пойду за кленовые ворота, в заповедные места, найду камень белее снега, крепче стали, тяжелее олова, возьму этот камень, брошу на дно морское с теми словами: «Пусть камень белый на дне моря лежит, а милого сердце ко мне (имя) пламенной любовью кипит». Встану я против месяца ясного и буду просить солнце красное: «Солнце,

солнце, растопи сердце друга (имя), пусть оно будет мягче воска ярого, добрее матушки родимой, жальче батюшки родного. Пусть сердце милого дружка (имя) будет принадлежать весь век денно и ночью, летом и весной только мне одной (имя). А для других это сердце пусть будет холодно как лед, крепко как железо и черство как сталь.

Ключи от сердца (имя) пусть вечно хранятся только у меня одной (имя)».

* * *

Ветры буйные, птицы быстрые, летите скорее к месту тайному, к сердцу милого (имя), дайте знать ему, как страдаю я (имя) дни и ноченьки, по дружке своем милом (имя). Пусть я горькая, бесталанная буду счастлива с милым (имя) во все месяцы, в годы долгие, во дни майские, ночи зимние, в непогодушку и в дни красные. Я одна, одна люблю милого (имя), крепче батюшки, жарче матушки, лучше братьев всех и сестер родных. Птицы быстрые, ветры буйные, расскажите вы о том милому (имя), что страдаю я как от болезни от любви моей к добру молодцу (имя). Пусть же будет он до могилы мой. Так и ведайте ему, молодцу (имя).

Из свежего веника берется прут, который кладут у порога двери, в которую войдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнули через прут, он убирается в такое место, где его никто не может видеть. Потом берут прут в жарко натопленную баню, бросают на пол и приговаривают: «Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (имя) – или: раба Божья (имя).

Заговоры «остудные» против любви между мужчиной и женщиной

Как мать быстра река Волга течет,
Как пески с песками споласкиваются,
Как кусты с кустами свиваются,
Так бы раб (такой-то) не водился с рабой (такой-то).
Ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни в ярость.
Как в темной темнице и в клеветнице, есть нежить
Простоволоса и долговолоса, и глаза выпучивши,
Так бы раба (такая-то) казалась рабу (такому-то)
Простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши.
Как у кошки с собакой, у собаки с росомахой,
Так бы у раба (такого-то) с рабой (такой-то)
Не было согласия ни днем, ни ночью,
Ни утром, ни в полдень, ни в пабедок!
Слово мое крепко!

Примечание: Заговор данного типа произносился, опять-таки, или самим влюбленным или по его просьбе, вполне «адресно», на чье-то имя.

Нередко старались сделать так, чтобы «предмет заговора», так или иначе но прослышал о готовящемся или состоявшемся «колдовстве». впал в панику или, хотя бы, в беспокойство.

Во всяком случае «остуду» организовывали не одними только словами, а, по мере возможности и чисто «химически» – подмешивая то или иное зелье

в «еству»(еду), в целью или снизить половую потенцию «супротивника», или же вообще – сжить со света, отравив насмерть.

Заговор на остуду между мужем и женой

Стану я не благословясь,
Пойду, не перекрестясь,
Не дверьми, не воротами,
А дымным окном, да подвальным бревном.
Положу шапку под пята, под пята,
Не на сыру землю, не на сыру землю, да в черный чобот.
А в том чоботе побегу я в темный лес, на большо озеричо.
В том озериче плывет челнище,
А в том челнище сидит черт с чертищей.
Швырну я с-под пята шапку в чертища.
Что ты чертище, сидишь в челнище, со своей чертищей?!
Сидишь ты, чертище, прочь лицом от своей чертищи.
Поди ты, чертище, к людям в пепелище!
Посели чертище, свою чертищу к (такому-то) в избище.
В той избище, не как ты, чертище,
Со своей чертищей, живут людища.
Мирно, любовно, друг друга любят, чужих ненавидят.
Ты, чертище, вели, чертище,
Что б она, чертища, распустила волосища.
Как жила она с тобой в челнище,
Так жил бы (такой-то) со своей женой в избище!
Чтоб он ее ненавидел.
Не походя, не поступя,
Разлилась бы его ненависть по всему сердцу,
А у ней по телу неугожество.
Не могла бы ему ни в чем угодить
И опротивела бы ему своей красотой,
Омерзела бы ему всем телом.
Как легко мне будет отступить от тебя,
Как легко достать шапку из озерича,
Тебе, чертищу, хранить шапку в озериче,
От рыбы, от рыбака, от злого колдуна.
Что бы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбак достать,
Ни зло колдун отколдовать, на мир и на лад.
И вместо рукописи кровной (подпиши кровью – Авт)
Отдаю я тебе – слюну!

Примечание: Если священослужители старых времен буквально все заговоры относили к «нечистым» и неподобающим действиям, то сами знахари и доки делили заговоры на потенциально «чистые» и «нечистые».

Заговоры «чистые» в ясном и явном виде использовали «святую» и «чистую» силу – святых, архангелов, угодников, Богоматерь и т. п. Такие

заклинания-молитвы начинались со слов «Пойду, благословясь», «Войду, перекрестясь» и томук подобным образом.

Заговоры же «не чистые» применялись в тех случаях, когда надежды со стороны официальных святых было маловато и полагали, что пора прибегнуть и к «нечистой» силе – к домовым, лесовика и т. п.

* * *

Как мать быстра Волга бежит, как пески со песками споласкиваются, как кусты с кустами свиваются, травы с травами срастаются, так бы и раба (имя) не виделась с рабом (имя), никогда не говорила, и пылким сердцем его, некрасивого, не любила. Пусть как в темнице или в клевшице, не жить им как брат с сестрицей, а быть как тигр со львицей, лягушка со змеей, ящерица с тарантулом, так и ей (имя) казался бы он (имя) страшнее зверя лесного, шершавого домового, волосатого лесового, хуже дедушки водяного, а она бы ему казалась хуже бабы Яги, страшнее киевской ведьмы. Пусть между ними будут ссоры, раздоры и брани, а каждая встреча будет как кошки с собакой. И во все дни, так и днем и ночью, и в полдень, и вечером, и утром. Словом, отныне и до века. Аминь.

На охлаждение между мужем и женой

Встану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, ни дверьми, ни воротами, а подвальным окном, подвальной отдушиной, положу шапку под пятку, не на сыру землю, а в черный чобот, а в том чоботе побегу я в темный дремучий лес, на большое глубокое озершце, где устроено водяное гнездище, по тому озершцу плывет челнище, а в челнище сидит черт с чертищей. Швырну я шапку из-под пят в того чертища.

И спрошу его: что ты, чертище, сидишь в челнище, с противной чертищей?

Сидишь ты, чертище, задом к своей чертище, а она хлопает глазищем, что днем совшца, беги ты, чертище, в людское жилище, посели ты, чертище, свою чертищу в такой-то избище, и дай ей в руки помелище, пусть она этим помелищем машет, между такой-то и таким-то (имена)раздор поселяет, вражду нагоняет, и обеим неприязнь навевает. Пусть в этом доме не будет ни ладу, ни складу, а вечная ругань и брань, и во все дни года, зимой и летом, весной и осенью, утром и вечером, во всей хате на печи и на полати, на полу и на потолке, на полке и в уголке идет возня, стукотня и грызня. А у хозяина с хозяйкой ссоры и споры, во все дни живота среди мясоеда и поста. Пусть они так живут, как кошка с собакой, как ведьма с чертом. Пусть мои слова будут кинжалом, змеиным жалом, так и жена такому-то (имя), а нет и того хуже, змеей подкольной.

Эти словеса ни колдуну не отколдовать, ни ветру не отогнать, как мою шапку из омута-озершца никому не достать. Говорю это не языком, а змеиным жалом, брызжусь слюной жабы, заливаю слезой крокодила и кровью двенадцатиглавого дракона.

* * *

Встану я в ночь под Ивана Купала, возьму в руки два трепала, кочергу схвачу и на Лысую гору полечу.

Оттуда длинным помелом сгоню всех ведьм в такой-то дом (имя), пусть бабищи наполняют все его жилище и поселят между мужем и женой (имя) страшное злище, такое, какого нет и на адском днище. Пусть в этом доме муж и жена будут жить как с сатанихой сатана, ни любви, ни радости, а только одно зло, да гадости, брань вечная, ссора бесконечная и угроза

бессердечная. Возьму я кочетыг, сковыряю шляпу, надену на левую ногу, на голову обряжу лапоть, вместо бороды – мочалу, вместо усов – метлу, и сяду я у них где-нибудь в углу и буду им каждый вечер казаться, и будут они меня пугаться, да из-за этого между собою ругаться, а я буду хохотать и улыбаться, а когда они лягут по разным местам спать, я примусь по избе от радости плясать. Иду, поднимаюсь, на Лысую гору собираюсь, готовься дом, где скоро будет все вверх дном, от мала до велика, в закромах вместо зерна будет пыль одна да повилика. Пусть мои речи будут как картечи, как гром в ночи, как огонь в печи: едки, метки и быточны.

Заговор на разлучение

Волк идет горой, домовый водой, они вместе не сойдутся, думы их разойдутся, добро они не творят, ласковых речей между собой не говорят, так бы и рабы (имена) между собой жили, вместо дружбы друг к другу зло питали, ссорились, друг друга хулили, попрекали, она бы на него как змея шипела, как лед бы к нему охладела, а он бы на нее шутком глядел, бегал бы от дел, занимался бы тем-сем, а большие ничем. Пусть эти слова камнем в их сердца упадут и желанный плод дадут. Эти слова взял я со дна омута, где водяные живут и злые сети ткнут, раздором подшивают, оторачивают ненавистью человеческой. И пусть они будут такими, какими есть, ни хуже, ни лучше.

Насколько же сильны и действенны были русские любовные заклинания? Среди колдовских процессов 1750 года было дело о сержанте Тулубьеве, который обвинялся в совершении любовных чар.

Обстоятельства этого дела так изложены в промемории консистории города Тобольска: «Ширванского пехотного полка сержант Василий Тулубьев, квартируя в городе Тюмени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступил в блудную связь с ее дочерью Ириною, а потом ее, Ирину, насильно обвенчал со своим дворовым человеком, Родионом Дунаевым, но жить с ним – не позволил.

Чтобы закрепить любовь и верность Ирины, он на третий день после венца брал ее с собой в баню и творил над нею разные чары: взяв два ломтя печеного хлеба, Тулубьев обтирал ими с себя и с своей любовницы пот, затем хлеб этот смешал с воском, печиною, солью и волосами, сделал два колобка и шептал над ними неведомо какие слова, смотря в волшебную книгу.

Он же, Тулубьев, срезывал с хоромых углов стружки, собирал грязь с тележного колеса, клал те стружки и грязь в теплую банную воду и приготолвленным настоем поил Ирину. Поил ее и вином, смешанным порохом и росным ладаном. Наговаривал еще на воск и серу, и те снадобья заставлял ее носить, прилепив к шейному кресту, а сам постоянно носил при себе ее волосы, на которыми также нашептывал.

Подобными чарами Тулубьев так «приворожил» Ирину, что она без него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора – бегала за ним следом, тосковала, драла на себе платье и волосы.

Консистория определила: лишить Тулубьева сержантского звания и сослать его на покаяние в енисейский монастырь, а брак Ирины с Дунаевым расторгнуть. Как блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключению, «но понеже она навращена к тому по злодеянию того Тулубьева, чародейством его и присушкою, а не по свободной воле, – для таких резонов от посылки в монастырь решили отказаться.

Таковы были старорусские заговоры, то есть то самое, что в сказках обычно называют «заклинаниями». Заклинали и наговаривали с разными целями, но успех зависел часто вовсе не от того, какой читался заговор, кто его читал. Хотя именно это считали главным.

Успех, как нетрудно видеть из многих показанных выше заговоров зависел в дальнейшем от того, как начинал себя вести тот кто читал заговор, если заговорщик читал его для себя (самовнушение, самогипноз) или для клиента.

Глава 2. Бытовая ворожба

Крестьянская фантазия населяла дом, двор и хозяйственные постройки духами добрыми или злыми, чистыми и нечистыми, способными сильно повлиять на повседневную жизнь человека. На любой случай жизни существовали свои заговоры.

Заговор при родах

Говорится трижды на воду, которую дают пить родительнице или которую обкачивают больную:

Стану я, раба божия (имя рек), благословясь,
пойду перекрестясь из избы дверьми,
из двора воротами; выйду я в чистое поле,
помолюсь и поклонюсь на восточную сторону,
на той восточной стороне стоит престол господен; —
на том престоле господнем сидит Пресвятая Мати Божья
Богородица',
и помолюсь, и поклонюсь Пресвятой Матери Божьей Богородице:
«Пресвятая Мати Богородица, соходи с престола господня,
и бери свои золотые ключи, и отпирай у рабы божьей (имя рек)
мясные ворота, и выпускай младенца на свет и на божью волю».
Во веки веков!
Аминь!

* * *

Женщину, разрешившуюся от бремени, нужно три первых дня водить в баню, где знахарка, растирая ей живот, читает следующее девять раз; если же случится какая-либо неудача, то читают тридевять раз и столько же раз продевают младенца между ног матери:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Господа Бога и Мать Пресвятую Богородицу на помощь призываю,
а я, раба божия (имя рек), у родимого человека, раба божия (имя рек), про дорогой золотник розыск начинаю:
«Золотник мой, золотник, дорогой золотник, отыщи, дорогой золотник, свое дорогое место и стань, дорогой золотник, на свое дорогое место, чтобы у рабы божия (имя рек), родимого человека, отныне и до века не болело и не щемило, вниз не спускалось и не окаменело».
Могла мать свое чадо сносить и спродить, могу и я, раба божия (имя рек), все болезни отговорить; ведь затвержал Господь Бог воды и земли: знай свои дела; и зааминь. Господь Бог, мои врачебные слова – на веки веков!
Аминь!

Примечание: под золотником имеется ввиду женская матка.

Заговор над новорожденным

После родов, выпарив родильницу в бане, повитуха парит и новорожденного, приговаривая:

Бабушка Соломонюшка Христа парила да и нам парку оставила! Господи, благослови!

Ручки, ростите, толстейте, ядрянейте; ножки, ходите, свое тело носите; язык, говори, свою голову корми!

Бабушка Соломонюшка парила и правила, у Бога милости просила: «Не будь седун, будь ходун; банюшки-паруши слушай: пар да баня да вольное дело!

Банюшки да воды слушай! Не слушай ни уроков, ни призоров, ни урочищей – ни от худых, ни от добрых, ни от девок пуствоволосок! Живи да толстей, да ядряней!»

Бабка садится в бане на полок, кладет на колени ребенка и, взяв в левую руку веник, ударяет обрубленным концом в полок, нашептывая трижды следующее:

Как эта белая береза стояла во чистом поле, не знала ни уроков,
ни призоров, так и ты, младенец, раб божий (имя рек), не знай ни
уроков, ни призоров и будь здоров и долголетен!
ТЬфу! Свят Дух! Аминь!

Затем ребенка парят и окачивают с веника водой.

Примечание: «уроками» и «призорами» в старину назывались болезни и увечья.

* * *

Бабы парят новорожденного, приговаривая:

Спи по дням, расти по часам!
То твое дело, то твоя работа, кручина и забота!
Давай матери спать, давай работать!
Не слушай – где курицы кудахчут,
слушай пеня церковного да звону колокольного!

Младенца трижды приносят в баню, где, по троекратном прочтении следующего над водою, его окачивают той самой водой:

Во имя Отца и Сына и Свягаго Духа!
Господи Иисусе Христе, помилуй нас!
Господа Бога Мать Пресвятая Богородица
на помощь призывала и все скорби и болезни обмывала!
Не я пособляю, не я помогаю, не я избавляю;
помогает и пособляет сам Иисус Христос,
и сама Мать Пресвятая Богородица
с своим сыном Христом со небесным помогает и избавляет!

Сама Мать Богородица своего сына Христа обмывала
и нам, для младенцев, ополоски посылала!
Шелковый веник на бумажное раба (имя рек) тело
с добрым здоровьем ради нашего дела!
Выйдите, все скорби и болезни!
Ведь как могла мать свое чадо сносить и спродить,
так и я, раба божия (имя рек), могу все недуги отговорить!
Зосима и Савватий, соловецки чудотворцы,
придите и помогите нашим делам, младенческим скорбям!
Скорбящая Богородица избавляет всех от муки и скорбей;
избавь и нас от людских уроков и сетей!

Примечание: под бумажным телом имелось ввиду белое тело.

* * *

Заговоры на привлечение женихов

Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь!
Господи, благослови, Христос!
Встану благословясь, пойду перекрестись из дверей дверьми, из
ворот воротами, выйду в чистое поле, погляжу в подвосточную
сторону: с подвосточной стороны встает заря утренняя,
выкатается красно солнышко; а и пусть я, раба божия (имя рек),
буду краше красного солнышка, белей светлого месяца, румяней
зари утренней и зари вечерней, краше всего света белого, всего
мира православного!
Как глядят все православные христиане на красное солнышко, на
белый свет,
так смотрели бы все добрые молодцы
на меня, рабу Божию (имя рек), ч почитали бы меня,
и возносили бы на глазах своих;
не могли бы все добрые молодцы без меня
ни жить, ни быть, ни игры заводить!
Будьте мои слова крепки и прочны!
Ключ, замок! Аминь. Аминь. Аминь.

* * *

Девушка выходит с посиделок за ворота, набирает в припол своего сарафана снегу, полет
его и приговаривает:

Полю, полю просо на девичью косу:
где-ка мой женишок, там собачка взвой, голосок отдай!

* * *

В праздник Покрова приходят в церковь и, переступая через порог ее, говорят:

Мать Пресвятая Богородица!
Покрой землю снежком, а меня женишком!

* * *

Незаметно от всех вметают сор с улицы в избу и заматают его в передний угол, где его никто не увидит, приговаривая:

Гоню я в избу свою молодцов – не воров!
Наезжайте ко мне женихи с чужих дворов!

* * *

Девыцы стерегут появление молодого месяца и, увидев его, вертятся на пяте правой ноги, приговаривая:

Млад месяц, увивай около меня женихов, как я увиваюсь около тебя!

Сватание

Когда сваху посылают засватывать избранную невесту употребляют этот наговор (только тогда, когда не надеются получить согласие отца и матери невесты)

Встану я (имя рек.) на утренней заре, на солноскоде красного солнца и пойду из дверей в двери, из ворот в ворота на восточную сторону, в чистое поле; в том чистом поле гуляет буйный ветер; подойду я поближе, поклонюсь пониже и скажу: «Гой еси, буйный ветер, пособи и помоги мне (имя рек) закон получить от сего дома и взять кого я хочу; и у того бы человека (имя рек) ум и разум отступился и на все четыре стороны расшибся, а ко мне бы (имя рек) приступился и ум-разум домашних судьбы наипаче, кого хочу получить; и перевалились бы и отошли бы ко мне (имя рек) все ее мысли, и охоты, и забавы, и все бы их вниз по воде унесло, а на меня (имя рек) принесло». Ключ в море, язык в роте!

Тому слову нету края и конца, от злого человека вреда, беды и напасти! А кто бы на меня и на нее подумал (то есть недоброе) и замыслил, у того человека ничего бы не последовало и заперло бы ключами, и замками, и восковыми печатями запечатало!

Когда сваха идет на сватовство

Входя на крыльцо дома невесты, сваха ступает на первую ступень правой ногой и притом говорит:

Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово мое будет твердо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы сосновой, острее булатного ножа; что задумаю, да исполнится!

Потом сваха шагает правою же ногою через порог, а войдя в комнату и помолясь Богу, садится под матицей на лавку, которая идет по длине пола, и приступает к переговорам.

При проводах жениха

Пока поезжане и жених собираются в путь, вежливец¹ обходит кругом всех лошадей, передвигает телеги, по-тряхивает колокольцы и в то же время шепотом говорит:

Покорюсь, помолюсь сей день, сей час, утром рано, вечером поздно!

Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица,

Егорий Храбрый, со князем, со тысяцким, со большими боярами, со свахой, с дружкой и с подружкой ко княгине ехати, княгиню получитьи, с княгиней в божью церковь доехати, закон божий принять!

Встану – благословлюсь, пойду – перекрещусь на восточную сторону: благослови меня,

Михаиле Архангел, дай нам пути-дороги!

При проводах невесты

Когда невеста, покрытая фатой или платком, садится в повозку со свахою, а тысяцкий садится с одним из поезжан, имея в руках образ, дружка, отвечающий за благополучное окончание свадьбы, ограждает поезд от колдунов, недобрых знахарей и волхвов, для чего берет восковую свечу и обходит кругом всего поезда, похлопывая бичом и наговаривая про себя:

Встану я, раб божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестись; умоюсь студеной ключевой водою, утрусь тонким полотенцем; оболокусь я оболоками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и освечусь я красным солнышком!

Огражду вокруг меня (имя рек) и дружины моей с ослатами тын железный, почву укладну, небо булатно, чтоб никто не мог прострелить его – от востока до запада, от севера на лето: ни еретик, ни еретица, ни колдун, ни колдунница, годный и негодный, кто на свете хлеб ест!

Голова моя – коробя, язык мой – замок!

¹ Вежливец – это колдун, который может испортить свадьбу, а может оградить ее от порчи.

Потом трижды читает молитву: «Да воскреснет Бог» и некоторые другие; кроме того, отделив небольшие кусочки воску от свечи, наклепляют их поезжанам на кресты и лошадям на гривы.

От порчи свадьбы

Встану аз, раб божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь ставить железные тыны от морския глубины, от небесной высоты, от востока до запада, от севера до полудни!

Въеду аз, раб божий (имя рек), в железный тын со всем моим поездом, затворю аз, раб божий (имя рек), за тридевять щитов, за тридевять дверей и замкну аз, раб божий (имя рек), за тридевять замков; выну из тридевять замков тридевять ключей, кину я те ключи в чистое море-окиан; и выйдет из того моря щука златоперая, чешуя медная, и та щука проглотит тридевять моих ключей и сойдет в море, в глубину морскую!

И как никому тыя щуки не поймать и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать – и меня, раба божия (имя рек), и князя молодого не испорчивать и весь мой княжеский поезд!

Всегда, ныне и присно и во веки веков аминь!

* * *

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Поклонюся аз, раб божий (имя рек), низко его златому кресту, восплачу и возопию; начну аз, раб божий (имя рек), наряжаться со всем моим поездом, с новобрачным князем и конскою сбруей, которые в моем заговоре!

Еду со двора аз, раб божий (имя рек), со князем молодым новобрачным и всем поездом, и с конскою сбруею промежду вечернею зарею и утреннею ко святому морю-окиану: следы мои травой зарастают и песком засыпают, водой заливают!

Никому моих следов не найти, не ехать никакому злому человеку!

Приеду аз, раб божий (имя рек), среди синего моря-окиана на бел камень Латарь, со всем моим поездом, и новобрачным князем, и с конскою сбруею, и всеми, которые едут в моем поезде и моем заговоре; посмотрю аз, раб божий (имя рек), на все четыре стороны: а есть на восточной стороне окиана-моря, на углу стоит храм святого Климента, папы римского; на нем поставлен крест златой; на кресте написан сам Господь Иисус Христос и четыре Евангелиста: Лука, Марк, Иоанн, Матвей!

Помолюся аз, раб божий (имя рек), самому Христу небесному, и Пречистой Его Матери, и четырем Евангелистам, и стану отговариваться: от колдунов, от колдуньи, от шептуна, от шептуньи, от старца и старицы, от всякого злого человека, от рабов и рабынь, от верных и неверных!

Ныне и присно и во веки веков аминь!

Заговор от порчи

От жару, от вхождения в одно место облаков, от Ильи Пророка прогремит, молния палит, лес ломит, травую шумит, водою замывает, песком засыпает! Будьте, мои слова, крепки и сердиты на то мое дело; крепче ножа булатного, вострее сабли булатной; засекайте, мои слова, от колдуна, от колдуньи, от шептуна, от шептуньи, который мой супостат и супостатица на меня, раба божия (имя рек), зло думает и на моих поезжан, которые в моем поезде едут, им молодого не испорчивать!

Ныне и присно и во веки веков аминь!

* * *

При отпуске молодых знахарь берет воск, ставит его на три иглы и говорит про себя трижды:

Отпускаю аз, раб божий (имя рек), свадьбу на два часа! Господи, помилуй!

Чтоб остановить свадебный поезд

Взять стручок о девяти зернах и, ударяя им трижды по крестцу коренной лошади, приговаривать:

Вот тебе, сивой (смотря по масти лошади), девять четвертей гороху!

Сват да сваха, жених да невеста, да черту большое место!

А ты стой да постой, с места не тронь,
отныне и до веку аминь!

Потом тайно положить сучок под сиденье молодых.

Чтобы скотина домой шла:

Сбирайся, мое милое стадо, ко всякой ночи к своему дому, как собирается мир православный ко звону колокольному, ко духовному и пению церковному!

Как муравей – дити чарю своему муравью служат и слушают, и как медовые пчелы летают к гнездам своим и не забывают дитей своих, и не покидают, и как стекаются быстрые рички, и малые и большие, в славный окиян-море, и так бы, мое стадо, стекайтесь на голос со всех четырех сторон, друг от дружки не отставайте; из-за озер, от мхов зыбучих, от черных болот, из-за рек, из-за ручьев, из-за лесов и полей, ко своему дому спешите ночевать век по веку! Аминь.

От болезни скота

Господи, благослови, Отче, святой Власей, Егорей-великомученик, царица Александра!

На сем селе, на сем дворе, у раба божия (имя рек) во хлеве сидят три жировика, и три лесовика, и три отпадших силы!

У меня, раба божия (имя рек), на жировиков и на отпадшую силу есть тридевять прутков, тридевять кнутов и тридевять булатных ножей! Этими тридевятыми прутками, тридевятыми кнутами и тридевятыми булатными ножами откалываю, отбаиваю, отговариваю живот раба божия (имя рек) от избного, от печного, от дворового, от хлевного, от уличного, от водяного, от лесового, от баенного, от каменного, от нечистого духа, от отпавшей силы, от завидости, от переговору, от худых глаз, от своей от думы во веки веков! Аминь. Аминь. Аминь.

Примечание: под словом «живот» имеются ввиду животные, скот.

От падежа скота:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!
Шел сам Батюшка, Иисус Христос, в чистом поле, в темном лесе
путем-дорогой,
а навстречу ему, Батюшку, Томаша идет:
«Томаша, Томаша, все ли у вас в добром здоровье?!
«Батюшко, истинный Христос, злая пришла година на скотину:
нет сытости, нет целости, вся в хворости!» —
«Возьми ты три горсти овса, три горсти ржи и три горсти ячменя
и корми с Иисусовой молитвой во имя мое,
и целы будут всегда, в веки вечные,
ныне и присно и во веки веков!»
Аминь. Аминь. Аминь.

На сохранение скота

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь!
Господи, благослови зачин сделать! В моем широком дворе
Матёрой столб стоит: крепко-накрепко, плотно-наплотно,
никуда он не пошатнется, не погнется и не свалится,
и ничего этот столб не боится;
не боюсь и я – ни парня скалозуба, ни бабы пустоволоски,
ни девки долговолоски!
Кто на мой широкий двор придет, и тому бы над моим табуном
ничего не делывать, из двора широка бы не вываживать,
коров не даивать, телят, ягнят не озеживать!
И как мне, рабу божью (имя рек), без хлеба, без соли не бывать,
без матушки-воды не живать, так и лихим врагам
на моем дворе не бывывать, на мои скот не гляживать!
И меня, раба божия (имя рек), Господи, помилуй во веки вечные!
Аминь.

* * *

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь!
Встану я, раб божий, благословясь и перекрестясь; выйду я,
раб божий, из избы дверьми, из дверей в ворота; и матерним
благословением выйду на белую улицу и встану на мать сыру
землю, на восточную сторону; и помолюсь я, раб божий, Господу
Богу Саваофу,

Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Божию, и Пресвятой Деве Марии, царице Небесной, и архангелу архистратигу божью, и Иоанну Предтече, крестителю Христову, и апостолам Петру и Павлу, Николаю Чудотворцу и всем небесным силам!

С умилением молюсь: помогите и оградите крестом животворящим меня, раба божия, любимое мое стадо коровье и овечье, от сегодня и до веку! Аминь.

Архангельским и ангельским путем сопроводите меня, раба божьего, с моим малым скотом, коровым, овечьим и коневым стадом, пасти и сохранить от сегодня и во все теплое лето, и до белого снега – путем и дорогою, мхом и болотом, в поскотине и в осеку, и в волоку!

Ешьте зеленую траву и не болотную воду пейте, а пейте ключевую воду во все теплое лето и до белого снегу! Закройте и защитите, и заградите и закрепите святыми своими божественными ризами в моей поскотине и в осеку, и за осеком, и по ухажим местам моим, и по зеленым местам, и на всяком месте – милой мой скот: лошадей, коров, овец, ягнят, баранов, быков, кладенцов и некладеных, телок и подтелков, комолых и рогатых, домокормленных и новоприбавленных, красных, бурых, белых, черных, пестрых, чалых, сивых, серых, саврасых и разношерстную скотину – сохрани, Господи, от зверей черных, бурых, серых, от широлоба медведя и медведицы, от пакостника и элодия прокидни-росомаги, от пакостного прохожего, рысучего волка и волчицы, от змия-скорпиона, от черная змии подколодная, от пестрыя подкаменные, от разнопята змии подцветошная, от ползучего гада от ночного, от уроку, от призору, от притчи, от падежу, от всякого лихого человека, от пытовщика, от порченика, от пострелка, от всякого дьявольского, нечистого духа, от встречного и настигающего, и со стороны мимоидущего; от мужа, от бабы пустоволоски, от парня, от девки от косматки, от одножена, от двоежена, от троежена, от красноволосых, от однозуба, двоезуба, троезуба, от одногола, двоеглаза и от всякого разного чина людей!

Заговариваю свое стадо – коровье, овечье и коневье: сколь твердо, крепко основание земное никто не может сдвинуть с места, и сколь крепок гроб Господень на воздухе во святом граде Иерусалиме, и сколь тверд и жесток камень синий в окияне-море не крошится и не колется столь крепок мой заговор: на словах моих век по веку! Аминь.

* * *

Постави, Господи, вокруг моего стада тын железной, а другой булатный, а третий мидяной, и стену каменну во глубину земную – сколь небесная высота, а вышиною до небес!

Вокруг стены завали, Осподи, землю матерней во глубину неизмеримую; и проводи, Осподи, реку огненную со всех четырех сторон – от востока до западу и от севера и до лета; и повели, Осподи, тыны и стену каменну запереть и заложить святому апостолу Петру своими златыми ключами и снести их самому Осподу Иисусу Христу. Сыну Божьему, на престол, под святую ризу его нетленную!

И как тех риз видеть никто не может,

Так бы никто не мог вредить моему стаду: коровам, овцам, ягнятам, баранам, быкам, лошадям – разношерстные дикие звери: медвиди, медвидицы, волки и волчицы, росوماги и росомашихи, змии – не вредили и не прикасались отныне и до веку!

Аминь.

На посев поля

Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь, пойду в чистое поле.

Благослови же меня, истинный Христос, семян засеять! Пошли ко мне, истинный Христос,

Михаила Архангела со ангелы и со апостолы!

Пошли же мне, Господи, истинный Христос, на жадные души, на родителей; дай, Господи, добрым людям на похвалу, худым на зовидесть! Христовы птицы, хорты, собину сию свою вам, а моей собины не топчите, не толочите; сею вам в темные леса, на луги зеленые; и вы свою сооину топчите и толочите, а на меня, раба божия, лиха не думайте и на мой милой живот. а я на вас, птицы христовы, лиха не думаю!

На удачную охоту

Господи, благослови!

Спать ложась и перекрестясь,

умоюсь свежою водою,

ледяною утреннею росой,

утрусь шитою, браною святою пеленою,

помолюся образу Спасу, Кузьме-Демьяну,

Пресвятой Богородице, Гаврилу Осподню, всей небесной силе!

И благословите меня, раба божия (имя рек),

вся небесная сила, ложитесь туловами, буйными головами,

не выскребайтесь, не выедайтесь

и не выкатывайтесь! И бегите же вы в мои поставушки,

в мои полуушки во всякую пору, во всякое время,

днем при сонце, ночью при мисеце, при частых звездах,

при темных оболочках, по вечеру поздно

и поутру рано, на утренней заре
и на солносоходе, ныне и присно и во веки веков!
Аминь.

Заговор на удачную торговлю

*Как пчелы ярые роятся да слетаются,
так бы к тем торговым людям купцы сходились!*

Применение: этот заговор надо сказать на мед, и им намазаться.

При отправлении в путь

Едет Егорий Храбрый на белым коне, златым венцом
украшается,
булатным копьем подпирается, с татем ночным встречается,
речью с ним препирается: «Куда, тать ночной, идешь?» —
«Иду я людей убивать, купцов проезжих добывать!»
А Егорий удал ему дорогу не дал, православных обороняет,
в пути-дороге сохраняет!

На добрые дела

Трижды читается на молодой месяц:

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Царь Небесный!

Усмотрел я, раб божий, на нынешний день, на теперешний час молодого месяца с золотыми рогами; дай, Господи, молодому месяцу на добрые дела золотые рога; дай мне, рабу (имя рек), на высокие поступки; соезжались ко младому месяцу баря и бояра, попы и патриархи, старицы и старицы, двоежены и троежены, двоеволосцы и триволосцы и младому месяцу удивлялись: дай, Господи, младому месяцу на добрые дела золотые рога, и мне, рабу (имя рек.), на добрые дела золотые рога — у какого бы новокрещеного не было бы в теле сердца на меня, раба (имя рек); солетали ко мне, рабу (имя рек), с небес тридесять воронов, сносили тридесять воронов тридевять замков, запирали меня, раба (имя рек), тридесять воронов за тридевять замков, относили ключи самому Христу, и чтобы тех ключей никому не бирать и меня, раба (имя рек), не испорчивать; отныне и до веку и во веки веков! Аминь.

От супостата

Как звезды от буйного ветра померкнут, так бы у моего супостата сердце и уста бы у него померкли; и как мертвый онемел, так бы тот мой супостат онемел и не возмог бы против меня глаголати; и как мертвый на свет не зрит, так бы и тот мой супостат не возмог бы на меня зрить и против меня глаголати, раба божия (имя рек)!

Аминь.

Примечание: под «супостатом» тут надо понимать соперника или противника.

* * *

Заговор на сопротивление порче

Встану, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь
и помолюсь темной ночи, темная ночь утренней зоре,
утренняя зоря красному солнцу, красное солнце истинному
Христу

Истинный Христос пошлет Петра и Павла:
Святой государь Петр и Павел, верховный апостол,
поставь круг меня, раба божия, тын железный от неба до земли!
И как православные крестьяне поклоняются истинному Христу,
так бы мне, рабу божью, поклонялись князи и бояры и великия
власти!

Истинный Христос, заступи своею ступенью,
закрой своею нетленною ризою,
постави тын железен от неба до земли
от лиха человека, от колдуна и от колдуньи,
и от ведуна и от ведуньи,
и от схимника и от схимницы, от троезуба, двоезуба,
желтовласа, от перевласа, и от девки, и от женки,
и от звезд в небе, от вещия сороки!
Так меня, раба божия, не испорчивать ни ведуну, ни ведунье!
Истинный Христос, заступи своею ступенью!
Пречистая Богородица, закрой своею ризою нетленною
ото всякого зла человека! И как моего приговору и отговору
веки по веку не отгадывать, и вовеки! Аминь.

* * *

На общение с властями

Приугорожуся я, раб божий (имя рек), крестом Господним и
животворящим;
положу на буйную главу злат венец;
на злате венце накачу праведное солнце!
И как праведное красное солнце, испекаеши у людей кудрявых
сердца,
так ты, праведное красное солнце, спекай у врагов моих:

и у супостатов, и у противников, у властей и у воевод,
приказных мужей и у всего народу божий уста и сердца, и злые
дела,
и злые помыслы, чтоб не возносились бы, не промолвили бы, не
проглаголали бы лихо;
не запомнил бы супротив меня, раба божия (имя рек), на суду
стоящий
и со мною говорящий; как солнце народится от матери родной,
будет двух или трех лет
и не возможет против матери ни промолвить, ни проглаголать,
не запомнить ни устами, ни сердцем, ни злыми их делами и не
злыми помыслами;
и как диавольская сила не может не чистковать против девяти
чинов ангельских,
так бы супротив меня, раба божия (имя рек), не могли ничего
сотворить
власти и воеводы, и приказные люди, и весь народ православный!

На подход ко властям или на умилоствление судей

Господи Боже, благослови! От синя моря силу, от сырой земли
резвоты, от частых звезд зренья, от буйна ветра храбрости ко мне,
рабу божию (имя рек)!

Встану, раб божий (имя рек), благословясь и пойду перекрестясь
из избы дверьми, из двора воротами, пойду я, раб божий, на белый
свет, в чистое поле, под красное солнце, под светел месяц, под
частые звезды, под полетные облака; встану я, раб божий (имя
рек), в чистое поле, на ровное место, что на престол Господа
моего; облаками облачуся, небесами покроюся, на главу свою
кладу красное солнце, оболочу на себя светлый младый месяц,
подпояшусь светлыми зорями, облачуся частыми звездами, что
вострыми стрелами – от всякого злого недруга моего!

И буди у меня, раба божия, сердце мое – лютого зверя льва, гортань
моя, челюсть – зверя волка порыскачаго!

Буди у супостата, моего властелина (имя рек), сердце заячье,
уши его тетерьи, очи его – мертвого мертвеца; и не могли бы
отворяться уста и ясные его очи возмущаться, не ретиво сердце
браниться, не белые его руки подниматься на меня, раба божия
(имя рек)]

И помолюся, раб божий (имя рек)

Михаилу Архангелу: «Государь небесный, воевода Михаил
Архангел, пристань ко мне, рабу божию (имя рек), и дай мне,
рабу божию (имя рек), сердце мое каменное, главу железную, нос
медный, очи царские, язык золотой, и говорить речи царские,
щиты булатные и грозу царскую, и, как от великого государя,
вей горды дрожат – верные и неверные! Еще загради, Господи,
от зла супостата, от властелина (имя рек), очи его – стыдились

бы на меня, раба, зло думать, и кто хочет меня бити или убита, или смерти меня предати, и костие моерастерзати, и с животом разлучити!

Господи, Христос мой, Бог милостивый, и премного милостивая моя Государыня,

Госпоже Пресвятая Богородица,

Дево Мария, Мати Вышняго Бога,

Христова Молебница, теплая Заступница, скорая Помощница!

Как ты, Мати Пресвятая Богородица, родила Иисуса Христа, Сына своего,

Бога нашего, Царя небесного, как ему поклоняются и покоряются, Христу, Богу нашему, Царю небесному, архангели и ангели. херувимы и серафимы, и вся небесные силы ему поклоняются пророки и ученики, – так бы мне, рабу, покорны, и поклонны, и послушны цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и поддьяки, и пестрые власти, и вей приказные судьи, мои супостаты (имя рек), ко мне, рабу божию (имя рек)!

Как возрадуется темная ночь младому светлому месяцу, и как возрадуется утренняя заря белому свету, и как возрадуется белый свет красному солнцу, так бы возрадовались мне, рабу божию (имя рек), моему приходу цари и царицы, князи и княгини, Всегда отныне и до веку!

Замок камень! Аминь, аминь, аминь!

Говорить эти слова надо трижды в воду, да в воск, да в белый платок, да в маленький кусок хлеба; водою мыться и пить воск; положи ко кресту и хлебец сей, платом трись, поди куда хошь.

* * *

Ложусь я помолясь и встаю перекрестись; и пойду из избы во дверь, из сенных в сенные, из ворот на улицу.

И помолюсь на восточную сторону; с восточной стороны текут ключи огненные, воссияли ключи золотом; то возрадовались все орды и приклонившись все языки; в тех ключах я умываюсь и господнею пеленою утираюсь; и показался бы всем судьям и начальникам краснее солнца, светлее месяца, наипаче частых звезд, милее свету вольного, милее отца, матери и милее своего детища; иди мне (имя рек) к (имя рек): подпоясываюсь я белой зарею, покрываюсь медным небом, подтыкаюсь частыми звездами, ограждаюсь железным тыном, покрываюсь нетленною ризою от земли до неба, иду я путем-дорогою, и на пути стоит гробница; в этой гробнице лежит царь Ирод, и этого царя тело остолбенело. глаза его обледенели, бояра и боярыни, дьяки и поддьяки, и пестрые власти, вей приказные люди, судьи и всех чинов люди, мои супостаты (имя рек) от меня, раба божия (имя рек), в лице или в тыло и со стороны и смотрели бы на меня, раба божия (имя

рек), как на красное солнце, я не могли бы наемок ре гися душою и телом, и ретивым сердцем, ясными очами, думой и помыслом! Всегда ныне и присно и во веки веков аминь!

Все цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, и все приказные люди, и мои супостаты (имя рек) – все овцы мои; я, раб, волк; своим ясным оком взгляну и поймаю, и в руки возьму, и на зуб брошу, раскушу и всем на пол плюну, и ногой заступлю, и растопчу!

Все мои слова, будьте благословенны, сильны и крепки, крепче и жесточе железа и булату, и вострого ножа, и ногтей орлиных и всех моих сильных и крепких слов!

Казанская Богородица печать свою приложила златым своим перстнем!

И язык у него не ворочается, и нет у него ни ума, ни разума;

а что бы я говорил, он меня слушал,

слов бы ему не говорить

и рук не отводить; кто на меня зло помыслит

и лихо подумает, того я человека сам съем:

у меня рот волчий, зуб железный;

не судить меня до суда Господня!

Аминь и трем аминям аминь!

* * *

Пойду я, раб божий, к судьям и начальникам;

будь их язык воловий, сердце царя Давида,

рассудит нас царь Соломон, Спасова рука;

как мертвый человек в сырой земле лежит,

ногами не движет, языком не говорит,

сердцем зла не творит – так бы судьи, начальники,

враги и супостаты языком бы не говорили,

сердцем зла не творили, ноги бы их не подвигались,

руки не подымались, уста бы не отверзались,

а кровью бы они запекались, очи бы у них помутились,

темнотою покрылись, с плеч буйна голова свалилась!

На царские очи

Господи, благослови! Как утренняя заря размыкается, божий свет рассветается, звери из пещеры, из берлог выбираютя, птицы с гнезд солетаются – так бы раб божий (имя рек) ото сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, красным солнцем одевался, светлым месяцем подпоясался, чистыми звездами подтыкался!

Покорюсь и помолюсь: «Вы же, кормилицы, царские очи, как служили царям-царевичам, королям-королевичам так послужите рабу божию (имя рек). день послужите и в ночь послужите, поутру рано и ввечеру поздно, в каждый час, в каждую минуту, век по веку, отныне до веку!»
Ключ и замок словам моим!

Примечание: Это заклинание можно говорить и не только перед встречей с монаршими особами, но и для того, чтобы побудить участие любого влиятельного лица.

Чтоб оттерпеться от пытки

Наговаривается на воск:

Небо лубяно, и земля лубяна,
и как в земле мертвые не слышат ничего,
так бы он не слышал жесточи и пытки!

Для удачного кулачного боя

Встану я, раб божий, благословясь,
пойду перекрестясь из избы в двери,
из ворот в ворота, в чистое поле в восток,
в восточную сторону, к окиану-морю,
и на том святом окиане-море
стоит стар матер муж,
и у того святого окиана-моря
сырой дуб крековастый, и рубит тот старый матер муж
своим булатным топором сырой дуб,
и как с того сырого дуба щепы летят,
такожде бы и от мене (имя рек)
валился на сыру землю борец добрый молодец
по всякий день и по всякий час!
Аминь, аминь, аминь!
И тем замок моим словам:
Ключ в море, замок в небе, отныне и до века!

При просьбе

Входя в дом, должно прежде, нежели войдешь, взяться за скобу три раза и говорить:

Как молвит эта скоба, так молвил бы (имя рек) против меня!
А войдя, должно вдруг взглянуть и думать или проговорить:
Я волк, ты овца:

сьем я тебя,
проглочу я тебя,
бойся меня!

Заговор от наводнения

Хожу я, раб Божий по улицам, хожу по закоулочкам,
Измеряю я реки, озера и моря синия.
Нигде, то есть нигде нету мне пристанища,
Ни во живе, ни в жиле, ни в сугробище не доловних зря...
Был я млад, буду и стар,
Во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.
Желаю я, раб грешный приютиться,
Чтобы меня не лихая струя не подмыла,
Ни река не затянула, Ни озерская вода не затопила.
Аминь. Аминь. Аминь.
Святой Николай мокрый, ты еси спасал от меча и воды,
Сохрани меня от всякого наводнения,
От всякой потопа, спаси и сохрани,
И защити чудной молитвою твоею Святаго слова,
Да будет сему моему слову, аминь.

Примечание: От воды зависел урожай, зависела жизнь, поэтому вынужденно селились поближе к рекам и озерам. Но, по весне, спасительная влага могла сыграть злую шутку, На этот случай, как видим, так же существовал свой специальный заговор-заклинание. «Сконструирован» он был, как видим, довольно разумно: понимая неотвратимость ежегодных наводнений, просили не о том, чтобы их «не было», а лишь о том, чтобы уберечься, хотя бы самим.

Заговор от пожара

Я, раб Божий (имя рек) хожу кругом своего царства,
Меряю ступнями ограду и Владычицы Матери Бога Нашего
Неопалимую Купину(несгорающий куст – Авт), прошу:
Спаси рабов Божиих (имя рек) от огня и меча,
И от всякого супостата. Аминь. Слово мое крепко.
Подуй ветер, потяни жупел и полымя ни на чьи хоромы,
Ни на лес, ни на пашню, ни на скотную дворину,
А на полевую былинку. Слово мое крепко. Аминь.
Владычица милосердная, Неопалимая Купина,
Ты еси защитница бедных и богатых,
Защити и помилуй нас, грешных, от огня и жупела(серы, т. е. – Авт.),
Силою сонми всех святых, сидящих у престола Господня.
Владычица Милосердная Приснодева Мария, Неопалимая Купина

Защити, сохрани и помилуй рабов Божиих (имя рек),
Отврати полымя в супротивную страну,
Сгинь, пропади страх и ужас,
Сгинь, пропади, полымя...
И избави нас, грешных рабов, от всякого зла,
Купина Неопалимая, Владычица Пресвятая.

Примечание: В тексте заговора имелась в виду библейская «неопалимая купина», буквально – несгорающий куст. Подобное растение, «ясменник», действительно имеется, в 1960 году, будучи вывезено верующими в польский заповедник, в Коротичах, оно внезапно самовоспламенилось. Тогда-то и выяснилось, что в нем изобильно выделяются легколетучие эфирные масла, которые, скоро прогорая, не наносят вреда листам. Станный куст «неопалимая купина», как считалось, мог принять молитву, посвященную огню и – отвести пожар от того или иного дома.

Заговор на гадание на картах

Тридцать шесть карт, сестры и братья, кумы и кумовья,
Сваты и сваты, Дяди и тетки, отцы и матери,
Дочери и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золовки,
Тести и тещи, зятья и свояки, золовки и невестки,
Все вы черные, все вы белые, все красные,
Скажите мне всю сущую правду:
Что я думаю? Что буду думать?
Скажите, не утайте, по всей справедливости,
Как вы говорили дочерям Иродовым,
На брачном пиру, на почетном столу.
А будет не скажете вы сущей правды,
Не взыщете моей беды (т. е., не отыщете, не укажете – Авт.)
Ино (то тогда) вам не жить более на белом свете,
А размычу я вам по чистому полю, по зеленым дубравам,
По крутым берегам, по синим морям.
А будет(е) вы скажете сущую правду,
Ино (то тогда) вам будет житье привольное, раздольное.
Заговариваю я, раба (такая-то) на карты,
На выведывание своей думы, на спознание дел чужих.
Слово мое крепко!

Примечание: Упоминание о картах «нагадавши» дочерям Иродовым (царь Ирод – реальная историческая фигура, царь Иудеи, 40-4 года до нашей эры) – упоминание явно надуманного эпизода, Карты появились в значительно более поздние времена. На Руси игральные и гадальные карты (поначалу между ними не делалось различия) появились, фактически, лишь после «наполеоновского» похода, хотя примитивные игры с бумажными карточками встречались и прежде и за них весьма жестоко карали.

Охотничьи заговоры на горностаев

Господи, Благослови!
Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, Пойду, перекрестясь,
Из избы – дверьми, из дверей – воротами,
В чистое поле за воротами, из чистого поля в темный лес.
В темном лесу стоит кипарис-дерево.
Под тем кипарисом сидит сама Мать Пресвятая Богородица.
Держит она в своей десной руке три прута:
Прут железный, прут медный, прут серебряный,
Ударю а первым прутом по сырым лесам,
Ударю н другим прутом по мхам, по болотам.
Сырые лса сшатаются. мхи-болота сколеблются.
Разбежались белые звери, горностаи на все четыре стороны,
Побегите вы кривоноги, черно-хвосты!
Ударю я третим прутом белаго мужа, жубрила.
Ай, ты был муж, жубрило, сам ты бел и конь под тобой бел,
Заезжай и залучай со всех четырех сторон, со стока и запада,
И лета и севера идите со всех четырех сторон
Белые звери горностаи;
Как идет солнце и месяц и частыя мелкие звезды
И вся луна поднебесная идет неотпятно,
Тяк идите на мой завод, на мои сгодья к моим плашки,
Белые звери горностаи,
А минуите, проходите мои силья пасти, они не про вас излажены.
Кушайте по плашкам мои ествы:
Те мои ествы слаще матерного молока.
Кзтому моему слову – ключ и замок отношу я к Окиан-морю.
Есть на Окиан-море остров велик,
К берегу лежит бел-горюч камен Алатырь.
Под камнем стоит живая щука,
Пожрет тот мой ключ и замок.
Кто кругом Окиан-море обойдет,
Кто около Окиан-моря песок вызоблет,
Кто из Окиан-моря воду выпьет.
Кто ту живую щуку добудет,
Ключ и замок мой достанет,
Тот мой промысел попортит.

Примечание: «плашки» с «ествы» – деревянные дощатые ловушки с приманками. Что ж касается «белого и горючего» камня Алатыря, то, по нашему мнению под ним очень часто понимали – светлый и горючий, т. е., буквально, «горящий», «сгорающий» камень янтарь, выбрасываемый и впрямь на берега северных морей!

На удачную постановку силков

Господи, благослови! Христово имя!

Отца и Сына и Святаго Духа!

Я, раб божий (имя рек), стану благословясь, пойду перекрестясь в чистое поле ставить своих ставушек и ловушек; встречу я, раб божий (имя рек), святого Георгия Храброго; едет святой Георгий Храбрый на своем сивом коне, плеткою постегивает, копьём погоняет. Святой Георгий Храбрый!

Красные лисицы и лисавки, бурнастые лисицы и лисавки, черные лисицы и лисавки, рыси и росوماхи, идти в чистое поле, в восточную сторону, на море на окиян! На море на окияне, на острове на Буяне, стоит храм божий, святая церковь золоченая, озолоченая, священная, моленная, апостольская; в той же церкви стоит злат престол, на злате престоле сидят две матушки Божьи Богородицы: Тифиньская и Владимирьская;

Благословите меня, раба блжьего, Тифиньская и Владимирьская, поклонитьца и помолитьца, идти в чистое поле, в восточную сторону, в Богову пазушку, в Христову зелену дубровушку, покидать и пометать своих поставушек, своих половушек, своих золотых капканьчов, позолоченных пружинков и тайных сил – на вольных зверей, на белых зайцов, заячих семей, на красных, серых и бурнастых лисич, рысей, росомаг и серых волков!

И бегите же вы в мои поставушки, в мои половушки старыми тропками, новыми еле дочками, и бейте же вы задними ножками и передними ножками,

Волки и волчицы, черноухие и долгохвостые, бей больно, выбивай из памяти, гони к моим ставушкам и ловушкам безотпятно, безотворотно во все четыре стороны, по всякой день, по всякой час, по всякую ночь!

Кое слово в забытье было, то будь наперед, в лучшем месте, и кое слово прибавлю, и то слово к тем же бы пристало!

И тех моих слов ни водою, ни росой не залить. ни дождем не смочить! Аминь.

Моим ловушкам ключ и замок, и вся крепость Святаго Духа ныне и присно и во веки веков! Аминь. Аминь. Аминь.

Примечание: призывание двух могущественных икон – Тихвинской и Владимирской Божьей матери повышало действенность заговора.

На заячью охоту

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь!

Куда ты, мой белый заяц, шел и бежал и следы топтал, туда бы шли и бежали и следы топтали твои деды и прадеды, и отцы и матери, и

братья и сестры отныне и до веку будущего, и до скончания миру
во веки веков!

Аминь.

Взойдет с ночи туча, молния сверкнет, гром ударит, дождь пойдет
и огненное ружье вода нальет, обмочит огниво и порох!
Не охотник идет, а поп; не стреляет, а благословляет!

Заговоры на удачную рыбалку

Наговаривается на какую-либо рыболовную снасть:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь!

Как ты река-матица, смываешь и обмываешь свои крутые, красны
бережка с вершины и до устья, а с устья сносишь в сине море, так
ты, река-матка' смывай и обмывай мои ставушки, мои ловушки,
с них уроки, призоры, встречи, привстречи, перебеги, поспехи,
злые и лихие отговоры, лихую думу, лихие оговоры, лихую кровь,
радости и помышления, всякие озепы отныне и до века и во веки
веков! Аминь.

Примечание: в этот заговор нужно вставить название реки, в которой
смывается нитка, ловушка или какая либо снасть.

Заговор на беличью ловлю

Господи Боже благослови, Отче.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Как родился сей раб младенец,

Не знает себе ни имени, ни отчины, ия отца, ни матери,

Ни роду, ни племени, и ни страсти, ни боязни,

Не имеет в себе ни ума, ни разума,

Ни на ногах скорого и тихаго хождения,

Ставания, скакания, и ни пути, и ни дороги,

Ни днины (дня), ни ночи,

И тако же бы меня, раба Божия,

Ни огненнаго моего оружия, и свинцовой пули, ни пороху,

Ни моей промышленной собаки,

Белые звери, белки и всякие поголовныя птицы

Не знали бы и не имели о себе

Ни ума, ни разума, в ногах скакания, в крылах махания,

И ни страсти, ни боязни в день, под красным солнцем,

В ночь и под младым светлым месяцем,

И находи на их на ум великой, на древах.

И будьте вы, мои слова, пушкой

Белой зверю и белой голубой белке и всякой поголовной птице,

Будте крепки, лепче клею, крепче синяго булату

Святым Духом, Божиим изволением,
Господним благословением,
Всегда, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.
И не пути, и не дороги, и не дни, не ночи,
Всегда бы были тихи, кротки и смиренны.
Тако б передо мною, рабом Божиим (таким-то)
Белые звери я всякия поголовныя птицы Кротки и смиренны.

Примечание: упомянутые «белые» звери не обязательно обозначало «белых» по цвету меха животных. Белыми называли просто «ценных» зверей зверей, подобно тому же как «черными» людьми нередко называли людей низкого звания.

Заговор на покраденную вещь

На море на Окиане, на острове на Буяне,
стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи
булатные.
Подите вы, ножи булатные, к такому и сякому вору. рубите его
тело,
колите его сердце, чтобы он. вор. воротил покражу такого-то,
чтобы он не утаил ни синя пороха, а выдал бы все сполна.
Будь ты, вор, проклят моим сильным заговором в землю
преисподнюю,
за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горючую,
в тину болотную, в плотину мельничную, в дом бездонный, в
кувшин банный;
будь прибит к притолке осиновым колом, иссушен суше травы,
заморожен пуще льда, окривей, охромей, ошалей,
одервяней, одурей, обезручей, оголодай, отощай,
валяйся в грязи, с людьми не смыкайся и не своею смертью умри.

***** Заговор от лихого человека**

Иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами, все
черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи с полудухами, к лихим
людям, держите их на привязи, чтоб я от них был цел и невредим во пути и
дороге, во дому и лесу, в чужих и родных, во земле и на воде, во обеде и на
пиру, в свадьбе и на беде. Мой заговор долог, мои слова крепки.

Кто мое слово испровержет, ино быть во всем наиново, похуду,
понедобру. как вопреди сказано.

Глава 3. Магия здоровья и целительства

На протяжении по меньшей мере десяти веков подавляющее большинство граждан нашей страны лечились при помощи магии, прибегали к помощи сельских знахарей и ведунов. Врачи практиковали лишь при царских дворах, редко какой боярин мог позволить себе держать иноземного специалиста. В послепетровские времена, положение практически не изменилось и лишь с развитием земства крестьяне получили возможность пользоваться современной врачебной помощью. Но к тому времени в народе уже были выработаны свои методы лечения заболеваний. Были ли они лучше или хуже научных? Во всяком случае они были своеобразными. Русские знахари издревле лечили хоть и не с благословения церкви, но все же словом Божиим, то есть обращаясь к христианским святым и мученикам, причудливо переплетая обращения к ним с типично языческими, праславянскими образами – могучим и вечным камнем Алатырем, островом Буяном и персонифицируя болезни в образе злых девок-лиходеек.

Старорусские лечебники

Книги, относимые к «лечебникам» на Руси долгое время были не в почете, поскольку их, как многие другие «не официальные» письменные документы относили к «Черным Книгам», т. е. книгам «колдовским». Здесь, правда, стоит заметить, что «черной книгой», зачастую в среде людей грамотных именовался черновой текст. «черновик». Возможно, что от именно от не правильной трактовки этого термина в народе и пошло название «Черные Книги».

История демонологии на Руси может назвать немало случаев, когда донос на человека производился именно при обнаружении у него странной книги, «Лечебника», поскольку в таких книгах выводились рецепты, то, вынужденно вводилась «цифирь», которую подавляющее большинство населения вообще не понимало и принимало за некие «магические» знаки.

Приводимый здесь «Лечебник» относится к относительно поздней эпохе и содержит данные уже организованные в виде упорядоченных списков. К подобному Лечебнику трудно было придаться как к «волховской» книге, и власти, и церковь относились к таким произведениям достаточно снисходительно, как правило за них не наказывая, однако доносы от неграмотного населения, «на всякий случай» шли и здесь.

Текст, в его старорусском прочтении поначалу может показаться непривычным, но затем явно увлекает, особенно если читатель действительно интересуется старинными рецептами. Адаптированные же тексты, выведенные «современными» терминами смотрятся крайне пустыми и куцыми. Поэтому мы лишь в отдельных местах, для облегчения и большего понимания текста ввели свои комментарии и вставили явно недостающие слоги, буквы и слова... Текст приводится по сборнику «Домострой» (М.: Советская Россия, 1990, нумерация пунктов, для удобства наша – А.А.

Лечебник от многих мудрецов о различных врачевских вещех, ко здравью человеческому предстоящих

1. О хлебе ржаном

Хлеб ржаной естеством теплее ячменя. и пристойт (необходимо его, т. е.) ясти здоровым людям, и он им силу подает. Больным же людям пристойт (т. е.желательно) ясти пшеничной хлеб, (так как он) лутше и питательнее.

А у которых людей желудок не варит естеством, и (тогда) тем не добро (по)ясти ржаного хлеба, понеже болезнь стомахову («стомах» – живот) не может одолети. но с великим томлением изнести низ– ходит. Подобае всякому человеку беречися от хлебного недопечения, великая бо и тяжкия болезни от того рождаются: да не ядим (так же) хлеба горячего или горазло мяхкого, но да переначует.

Тремя обычаи (ми) хлеб печется.

Большее имеет и себе многу мяхкость. а корка его тверда и непитателна есть телу. и не скорогноительна, утробу защущает, а мякишь толстой надывает тело и вредительную мокрость родит.

Хлеб, который невелик и тонок. того жар проимет и волгость из него вытянет, и тот хлеб утробу вяжет, изноет.

Средняя же хлеб, и которой непереквашен и не пересолен. тот здоровее всех тело питает и добрые крови растение творит, и в естестве человеческом укрепляет, но приемлем его, чтоб не добре был мякоч и не черств же, яко же выше (об этом) речено бысть.

Хлеб, которой разтворен на вишневом соку испечен и прикладывает к оспенным чирьям. и тако (делает) их мягких и отворити.

Хлеб, которой печен с отрубями, скорый исходити, не питателен есть телу человеческому. Кисель (надо) ясти ржаной после немощи на тощее (голодное) сердце.

2. Об овсе

Овес есть брашно скотское (т. е. пища для животных). а не человеческие, но в нужди и в добром и том хлеба печем, а тот хлеб непитателен естеству человеческому, но паки силу подают и кровь от него не рождается.

А ще пластырь делаем в муке овсяной. и прикладываем, (он) смягчит и отворит чирьи.

А ще делаем пластырь вкупе в муке овсяной и в ылу муки пшеничной, и тем помажем прокажение личное (на лице), и тако (тогда) тело гладко станет.

Овес без лужбы (без «лузги», т. е. очищенный). Варен (ый) в воде, и потом толчен (ый) в воде, и с маслом пресным смешен, прият естественную теплоту стомахову наводит.

Мука овсяная смешана з белилы добрыми (чистыми) и варено в воде. и тем, аще кто лице умывает. и лице станет бело и светло.

3. О зверех и травах

О коте

От котова ли или от кошкина укушения бывает великая болезнь и зеленость тела – просто приложить пластырь луку, тот черного исцеляет. Кот от укушения руты травы или мигдалов горьких (т. е. миндаля горького) бежит, и там надобно класть, где что портит. Кал котовой или кошкин смешан з горчицею, и тем шелуди (лишай) мазать – згонит, и волосы наростут.

О собаке

Собака всех зверей трема делы (ми) преходит: первое, что знает, второе – любит, третье – служит. Собака, языком своим лижущи (я), и чюжие раны лечат. Аще (а если) себя (где-то на теле) языком не достанет, и она ногу свою наслунит и на раны дотыкает, и (э)то (есть) ведомое лекарство от языка собачья. Сердце иссуши и изотри и смешай с каким-нибудь питием, и мажь против сердца. и у того человека лишней сон отводит.

Желчь собачья – прелые и опухлые очи издвлет. Кожа собачья. около руки оберчна (обернута), коросты живит.

О петухе

Мозг петуховой (можно) с вином пити – от многих болезней издвлет. Укормив кура добре тучного и старого, и дать его гонять, дондеже (т. е. пока не) утомится, потом закласть его и вычистить, наткав его солию, да варить в полуведре воды, чтоб (ы) прело.

И как бы выпрело, чтоб пятая доля осталась, и то пити тепло (е) не по многу на ночь, и из утра, и тем пособляет на дыхавицу и дрожанную болезнь (при лихорадке), составом (суставам) и многим иным болезням,

О пчеле и о меду

Пчела есть две вещи делает добрыя, Богу и человеком угодны: воск и мед.

Мед есть сок с росы небесная, которая пчелы собирают во время с добрых цветов благоуханных, и от того имеет в себе силу многу, и угоден бывает к лекарству от многих болезней.

4. О своборинном древе

Иоанн Мазовей² пишет о своборине (шиповник – А.А.), что своборина есть лекарство, по латыне – «Мидисине Бенедикте», а по ру(с)ски «врачевание благословение», понеже сила ея подателна(я) есть ко здравью всего тела человеческого и пременительное естество на благое.

Листвие соборинное свежо толчено (е) с сахаром головным («сахарная голова», крупный кусок, отливка чистого сахара – А.А.), и то приятно, проход движет. Дух своринного листвия вельми пристойт тем, кои естеством суть колереки («холерики» – А.А.), сиречь (то есть) горячи и сухи от крови, понеже (поскольку) от духу своборинного полягает (унимается) главная болезнь, коя родится от колерек. От того ж духу уймется насморк. кои бывает в колериках от пищного горячества, как Плиниус мудрец пишет (Плиний Старший – А.А.).

Цвет своборинной собою студеностен (холоден) в первом ступ (е)не», а сух во втором (ступени). Егда он червлен (т. е. красен) станет, а не гораздо ростянется, и тогда ево собираем и на соблюдение высушим на ветре, и тако (тогда) благовоние от них не отходит.

Тот же цвет свежей толчен (ый) и прикладываем к горячим чирьям. и тем ог (о)нь из них вытянет. Тот же цвет свежей или сухой, толчен (ый) и смешай с медом пресным, да с сахаром головным, и вари на огни. И в том будет масть (получится мастика, смазка, мазь – А.А.), и то приятно, всякую вредительную мокрость укрепляет все тело человеческое.

Тои же цвет варен (ый) в уксусе на ночь поставь, и тем уксусом мажь горячество составное (воспаленные суставы, т. е.), и оттого оток поляжет. То же пристойт к горячему стомаху (к животу) и тем вынет ог (о)нь из стомаха.

Мед из цвету своборинного составляем: воз (ь)ми меду престного, елико хошеши, и вари его, а пену сметывай, чтоб был мед чист, и процеди его сквозь плат (ок) и цвет (ы), изрезав, в тот мед всыпи. и маленько повари. и той мед совершен (ен) собою станет. и тем естество человеческое укрепляет, также и кровь.

Мед своборинной собою вельми крепок и, внутрь (будучи) прият, естество человеческое укрепляет и кровь, истребляет и вредительную мокрость, коя бывает от черная кручины, тако же и то вредительное существо, кое родится от лишняя мокрости, истребляет. Тем людем, кои пьют мед своборинной. разведен водою. в коей воде варена финиклова трава и прибавь к тому немного соли, и кои страждут теми двема болезн (я)ми, и тем помогает и чистит нутр (о) нежели тако (в) о себе без примешения.

Сок из своборинного цвету, варен с вином фряжским (французским) и при (н)ят, болезнь г (о)лав–ная от того тушится, тако же и очем (т. е. глазам) то здравие есть. Тем же. аще рот полощем, тогда болезнь из десен выведет. Сок же тот, смешан с водою источниковою по сужению (взяв количество по своему усмотрению, т. е.), и то пито, вельми проход движет и кровь чистит. но особие вычистит колеру, сиречь кипление кровавое, кое бывает от кипления желчи (о наличии микробов никто не подозревал, холеру полагали болезнью «ото желчи» – А.А.), и тело холодит без вредности, и сон покоен наводит, и желтость с тела сгонит, и сердце укрепляет, и кровь обвеселит.

Ягоды своборинные толченые и тем десны и зубы натирай, и от того болезни выведет. Те же ягоды варены, и то (если) пити, (то) (крово)течение утробное заключается и кровное блевание уймет.

Тою же водою мочим века больных очей, из которых гнои идет, и то им (так же) пользует.

² Автор переведенного лечебника VI века «Вертоград Прохладный» («Тенистый сад целительных растений»), Иоанн Мазовей утверждал, что «шиповник есть лекарство – по латыни *Medicina Benedicta*, а по-русски «врачевание благословенное», ведь сила его способна вылечить все тело человеческое.

5. О водах, из трав перепущенных (Настои – А.А.)

О воде из васильковой травы

Вода васильковы травы (будучи) при (н)ята, расслабленных уды помазуй. утре и вечере по разсуж– дению. и тем раслабле (н)ных пользует.

О воде из мокрицы огородной

Воду той травы аще ноздря (н)ым духом в себе дышает (вдыхание паров, лечебная ингаляция – А.А.), и тем вельми главную мокрость выгонит и заключает всякое течение слезное и иных нечистот. от коих очи слезны (ми) бывают, и (в) носу насморк и в ушах гной, те мокрости вредительныя выводит. Та же вода, приятна на тощее (слабое) сердце 21 золотник, и тем выгоняет лишнее горячество и густую мок– рость.

Та же вода всякой ожог заживляет, когда в нем плат (ок) омочит поутру и вечере, ко отоку (т. е. к отеку, опухлости) прикладывая, заживет.

О воде земляничной

Вода из ягод земляничных при (н)ята пити поутру и вечере, с питием обычным смешав, и тем всякую мокрость вредительную потом из тела истребит: и немощ печальную из печени и желтость ис тела (и)згонит: и пространство персем (груди, свободному дыханию) творит: и жилы дыхательныя отворит, и сердце укрепляет, и силу подает, и камень изнутри истребит (в желчном пузыре или в почках).

И прокаженным вельми пользу творит. Та же вода всякую нечистоту кровавую (и)згонит, от коей нечистоты кровавое к прокажение родится (про бактерий и инфекции ничего не знали и все болезни производили от возникающих «недостатков» самого тела – А.А..)

Вода земляничных же ягод различным обычаем составляется. Неци (другие люди) же ту воду без огня ис тех ягод делают, и из них же ягоды земляничные и мешают с солюю. Неци же (другие) емлют те ягоды и полагают в сосуде скляничном (стеклянном, т. е.) и. гораздо закутав, в навоз глубоко закопыва– ют, и гною (т) осмь дней, и те ягоды претворяются в воды (т. е. перебраживают в теплом навозе, давая перебродивший сок – А.А.).

О воде из ворониковы травы

Та вода приятна во утрии на тоще (голодное, слабое) сердце в тои воде; в малом сосуде д (е)ревяном. проверчено многими дырками полагаем, а сосуд бы был, что яблоко невелико. и тот сосуд во время от мороваго поветрия (во время эпидемии, т. е., обычно, во время чумы) в руках носим (ый) и ходящим обоняем часто. и запястие ручное мажем, и тем от аернаго воздуха сохраняеми бываем (сосуд с дырками, «анти-блоховница», запах отгонял чумных блох, почему люди с «сосудом» и отчасти имели большие шансы на спасение – А.А.).

А кто тое воду приемлет по 6 золотников или тою водою горло полощем, у того всякую горянюю болезнь выводит и заживляет. И всякую нечистоту кровавую изо всего тела и из нутри немощь и из главы болезнь истребит и выгонит, от коея нечистоты или от лишняго горячества кроваваго различные недуги прокаженные на теле рождаются, и тем жажду (в)нутреннюю тушит, и прокажения изгонит: и тем пользует, кои памятни хотят быти.

И пространство в грудях наводит (т. е. свободное дыхание), и легостно от кашля творит, и велегласен язык отворит (голос станет громок, т. о.), и немощь плющную выведет, и язвы заживляет, и заключение жил, и желтость ис тела (и)згонит и легостно урину (мочу) движет.

Тою же водою, аще (если) часто главу мочити и виски, и тем собою досягнет и пользует вельми. главе и мозгу укрепляет, и языку возгласение дает, и иные уды здравы бывают. Ту же воду или самую траву высушим на ветре и истолки, и сохрани к предреченным недугом (к предстоящим возможным болезням) иа 20 или на 30 лет.

О воде из петросильевы травы (из петрушки – А.А.)

Аще кто тое воду приемлет по 3 или 4 недели (по) утре и вечере, по 6 или 9 золотников, и тем камень ис пузыря и ис почек выгонит и легостно уринному пропуску творит (т. е. выходу мочи) и немощь печенную выводит и брашну сладость наводит.

О воде силидоньевы травы (из сельдерея – А.А.)

Та трава всякой немощи очной помощь. Аще (А если) кто ту воду утре и вечере в глаз пустит, и от нее бельмо (катаракта) и плева и темность с очей изгонит поистинне без боли и без вредности.

Тою же водою рот полощи, и тем дух смердящ (ий) изо рта выгонит, и десны укрепит, и болезнь: выгонит. Ту ж воду кто пьет по 12 дней, а на день по 9 или по 12 золотников, и тем всякую трясовицу (лихорадку) выведет. Ту же воду аще кто приемлет на всяк (ий) день; 3 кли по 6 золотников, и тем всякую печенную болезнь и селезенную выгонит:

О воде свобориннаго цвету (из цветов шиповника – А.А.)

Вода перепущена из своборинного цвету именуется «суфиля». Пити вельми пристойть (желательно, т. е.) тем, кои безсильны, и тем сердце урепляет. и кровь обвеселит.

[...] Губа грецкая напоена (будучи) елеом своборинным и потом обмочена в уксус и то прикладывая ко лбу и к вискам, привяжи, и тем болезнь главная уймется, коя бывает от жару совнечного (т. е. при солнечном ударе).

Уксус горячей пити на тощее (слабое: голодное) сердце по разсуждению (сколько – по усмотрению), и тем пользу творит, кои тяжко воздыхают. Уксус, смешан с солию пристойт (необходим) всеми тем, кои одержимы бешенством и бывают без памяти от болезни, и тем уксусом помазати длани ручныя (т. е. ладони) и подошвы ножныя, и то велика им польза.

Аще уксус кто приемлет на исполнение стомаха (лечение живота). и тем брашну ноение творит. И аще (а если кто) пьет на тощее сердце – и то тогда нутр (о) вяжет.

6. О маслех, которые к чему угодны бывают

О масле ржаном

Масло ржаное делают (так): возьми ржи и сыпь на камень мраморной, и нагрей железо толстое гораздо (сильно) и приложи ко ржи, и тако масло выжмешь, – и то масло всякия угри надутше на лице исцеляет (т. е. фурункулы, прыщи, «угри»).

О бобковом масле (лавровом? – А.А.)

Масло бобковое силу имеет мягчителну (ю), и нагревает и отворяет жилы заключенныя (кровеносные сосуды «закупоренные», т. е., видимо, при атеросклерозе – А.А.), и исцеляет

немошь во удах, кое бывают от студености. И (исцеляет) коросту, и свербеж, и не-чистоту телесную выведет. И в (о)ласом растение творит, но токмо кто собою теплостен (т. е. по натуре горяч – А.А.), тот помазуй тем маслом главу.

О васильковом масле

Масло васильковое составляется тако: Возьми васильков зеленых 26 золотников и налей на них гривенку масла д (е)ревянного, и положи в сосуд стекляной, и запечатай твердо, и поставь на солнце на 20 дней, и процеда, и сохрани. И аще похощеши, чтоб тот елей силен был, и ты васильки еженедель (но) пременяй; а иной (и другой) сосуд тако ж зделай и повесь в колодезь, и то будет духом сильнее, а кои на солнце – то будет тонкостен. И то масло (будучи) внутрь приято, немощь сердечную отгонит и сердце укрепляет, и страх от человека отводит. и смелость подает (успокаивает, т. е.).

О масле розмариновом

Масло розмариновое ко многим лекарствам угодно: помогает сердечным и желудком болезнем, аще (если) внутрь его приемлет по две или по три недели. То же масло помогает жилам. кои отрепнут или в которых кровь замрет, и тем мажь и то уздравит. Тем же маслом мажь виски, память укрепляет и остр (ый) разум подает.

О масле из цвету своборинного (из шиповника – А.А.)

То масло име (е)т силу такову: Смешай ево с теми маслами и з зелиями, кои холодят, и масло тако ж холодит, и помазует надутыя болячки. и тако их холодит и мяхчит и согревает.

Аще (А если) внутрь то масло приемлет или желудок мажь, пользу творит горлу, кое хрипит. То же масло смешай с молоком козым и приемли, и тем стружение в мехире уймет (резь в мочевом канале – А.А.) и болезнь пузырную и печенную выведет. и залегание водное отворит.

Аще у кого кость перешиблена в г (о)лаве (пролом черепа – А.А.), и то масло смешай с кровию голубиною или горличною (горлица лесная, так же сизый голубь, но более мелкого вида – А.А.) да ж желтком яичным вареным, и будет масть (получится мазь, т. е.) чтобы ни густа, ни житка, и тою мастию главу мажь.

О ромоне масле (из ромашки – А.А.)

Масло ромоново тепло и сухо в первом ступ (е)не. Исцеляет всякую истомленную немощь желуд–ковую, коя от жару бывает. И всяким болячкам огненным и надутым и опухлым при-стоит (желательна, «показана», т. е.). И биение трясовичное уймет (озноб лихорадочный).

Аще (А если) тем составом мажем и внутрь приемлем, оток язвы в кишках; то совершенно тем исцеляет и жилы корченныя разводит, и судорогам пособляет, и ветр (газы) изнутри выгонит, аще им помазуеть.

О фиалковом масле

Масло из фиалковаго (фиалка) цвету исцеляет коросту телесную, и жилы скорченныя, кои от судороги, мяхчит и розволакает, и грудное разседание (боли в груди, т. е.) исцеляет, егда тем мажет. То же масло смешай с молоком женским и мажь больную главу и перси, и груди, и тем болезнь исцеляет, и сон наводит.

И хрипление гортанное, и немощь ключную выведет, и ожег огняной, и водяной холодит и заживляет.

То же масло, аще в мехирь (мужской половой член) пушаем клистиром, и тем стружение в мехири выводит (снимает резь, заживляет).

О гвоздичном масле

Аще того масла уканешь в воду капли две или три – подает благоухание рукам и благолепие лицу. То же масло, аще вольешь немного в горелое вино и пить на тощее сердце (голодное, слабое), и тем гортань вычищает и перси и голос тончит. И не стравленну (ю) еству в желудке стравит (непереваренную пищу «стравит»). и желудковым болезнем помогает, и хотение к естве подает. И весельство человеку наводит, и язвам заядретися не даст, все живит.

О анисовом масле

Анисовое масло (будучи) внутрь прияти, помогает от кашлю и хракотину слабит (отхаркивающее средство – А.А.), и пространство в грудях творит (дает свободу дыханию, т. е.), и тяжкое воздыхающих помогает. Аще (а если) его в естве приемлют, и то мужем и женам охоту и к совокуплению и любовь подает и всякую требу согревает.

О масле из грецких орехов

То масло имеет (такую) силу ядось изнутри выгонит и (от) укушения ядовитых (тварей) лежащих исцелит, егда тем (маслом) помазуем.

О тополинном масле

То масло (так) составляется: как то древо весною станет роскидываться и еще до коих мест не роски– нулся листвием, емли (возьми, имей) с того д (е)рева почки зеленые, которые хотят раскинутись листвия (ми).

И с тех почек (надо) взять две гривенки, да листия маковаго, да чесноку дикого, листвия салатовы травы, да беленовы травы листвия, листвия мандрагоровы траны, всех тех по три золотника. И вместе толки мелко и вари в вине ре (й)нском или фряжском белом, дондеже (пока) половина укипит, и процеди. и выжми. скрозь плат.

И прибавь сала свиного несоленого, и то парь с салом вместе на огне в сковородке, – тогда станет то масло совершенно. То масло пристойт (нужно применять) к различным недугом оточным (отечным) и в всяким п (е)реломленным костем, и удареным, и розшибеным местам. И тем маслом мажь вся места. и от того заживут.

Тем же маслом мажь виски и запястья и от того сон наводит (снотворное действие белены, в первую очередь – А.А.). Тем же маслом аще пуп мажет, пот телу наводит.

О масле кирпичном

Масло из кирпича (так) составляется: Возьми жженой, чтоб кирпич в воде не был. и розбей на мелкие части, и жги те куски на огне, чтобы гораздо розогрелся, и всыпь в масло д (е)ревянное, и (держи до тех пор, пока) как тот кирпич гораздо маслом напьется (пропитается, т. е.). И потом их истолки и наполняй (ими) скляничной (сосуд) и тестом сырым, да бумагою затыкай, которой сосуд огненной жар терпит.

Потом же скляницу запечатай бумагою пищею (писчею, т. е.)моченою с сыром толченым (сыр, расплавляясь образует пластикоподобную оболочку, хорошо герметизирующую сосуд при нагреве – А.А.) и повесь тое скляницу в горну, (но так) чтоб ничего не было промеж огнем и скляницею (чтобы не лопнуло).

И как тесто сухо будет, чем запечатана скляница. тогда помалу огня прибавлявая, дондеже (т. е. пока не) станет скляница та гораздо потети; и как вида с нее потечет. И тогда гораздо поддай огня, и истечет масло вельми собою красно.

Да беречися. (надобно) чтобы никакой же огонь в то масло не кренул, того ради (поскольку тогда уже, т. е.) невозможно его потушить. Подкладывая огонь, дондеже течет масло, и (так до тех пор, пока) как перестанет.

И ту скляницу не замай во огне (от слова «маять», т. е. воздействовать). дондеже остынет; и потом то гнездо выкинь, аще тот сосуд крепок. И еще наполняй ево, тем же обычаем перепуская (т. е. перегоняя тем же самым способом), и то твори, дондеже (пока что не) доволен будеши (полученным) маслом.

И то масло положи в сосуд скляничный, чтоб устие скляничное невелико бмло (т. е. чтобы было тонкое горлышко, иначе легко летучее вещество испарится – А.А.), и запечатай воском, и то масло боль– самовое (бальзамное) пускай тому сего масла в иос, и затылок г (о)лавной мажь. и тем память (в порядок) приводит и зубную болезнь уймет... очи лечит, слезного течения не допускает. Когда рыболовы маслом тем сети помажут, и тогда множество рыб изымают.

О масле из купоросу

Того масла капельки две-три (если) укануть в сахаре своборинном и (будучи) внутри приятно, сердце укрепляет и жар и тоску отводит. и веселит человека.

7. О каменех драгих и ко многим делам угодных и о силе их

Об алмазе

Алмаз камень цветим подобен нашатырю, а внутри темнее хрусталоу, и облистание от себе издает (сверкает, т. е.). А крепостию таков крепок и тверд. что в огни не згорит и иными никакими вещьми не может вредитися (ошибка, алмаз может «сгореть» в огне – А.А.).

Но точию его твердость мяхчит тем обычаем (но твердость его может быть изменена таким способом, т. е.): положи его в мясо, в кровь козлячью, но преж (д)е бы той козел (был) напоен вином и петро– сильею травую (петрушкой, т. е.) накормлен. Величество же того камени не бывает больше ореха лесного, а находят его во арапских и кипрских странах.

Камень алмаз, аще (если – А.А.) воин носит (его) на г (о)лаве или на левой ст (о)ране во оружие, и той бывает опасен и сохранен от сопостат (от противника любого, т. е.) и от всякие свары, и от нахождения нечистых духов.

Тот же алмаз, кто его при себе носит, грешение и сны ночные отгоняет. Тот же алмаз окорм смертный объявит (алмаз считался ядом, вероятно потому, что в кишечнике мелкие неровные алмазы-октаэдры ведут себя как абразив, т. к. легко режут, подобно стеклу – А.А.). Аще (кто) к тому камению приблизит– ся, то потети начнет (шлифованные грани легко запотевают, т. е.).

Алмаз пристоит (желательно) при себе держати людем, кои страждут лунным страданием (сомнамбулизм, «нощное», т. е. ночное снохождение, «лунатики» – А.А.) и (на) коих нощию стень находит. Алмазом камением беснующаго осяжет, и той от болезни престанет (врачи могли использовать сверкание алмаза для отвлечения душевнобольных – А.А.).

О яхонте черном

Яхонт черной при себе кто носит, (тот) снов (ни) страшливых, ни лихих не увидит.

Аще кто (часто) смотря в солнце и оттого очи затемнели, и тем камнем потри очи, и паки прозрит. Аще тем камнем по главе потрёт, по власам и тем в себе плоть г(о)лавную вытянет, как магнит железо (видимо, имеется виду электризация волос, которые тянутся за «камнем»: как за пластмассовой расческой – А.А.).

А (если) кто тот яхонт носит при себе в перстни, и он скрепит сердце человека того и (он) будет честен в людех.

О лале

Камень лал (вероятно, благородная шпинель – А.А.) цветом бывает ал или поблед (н)оватее яхонта черного

Аще кто лал при себе иосит. поветрие моровое отгоняет (т. е. спасаем бывает от эпидемии) и похоти телесныя лишняя унимает. Тело человеческое во здравии ото всяких болезней устоит, мысли злыя отгоняет, и промежи (совершенно разными) людьми приятельство чинит и всякое счастье. множает,

О яхонте лазоревом

Яхонт лазоревый (видимо, сапфир – А.А.), кто его носит при себе, тело умножат и благолепие лицу подает, пот лишний унимает и похоти телесныя смиряет. и чинит человека быти чистым и добрым (здесь свойства самих людей, выбирающих камни, забавным образом передавали на... сами же камни! Дело в том, что, следуя своим психофизиологическим свойствам, люди темпераментные и «горячие» предпочитают красные тона, люди спокойные и «холодные» – предпочитают тона синие. Перевернув причину и следствие можно, при большом желании, сказать, что маленький синий камушек, неизвестно где на теле подвешенный – «усмиряет». Обстоятельство это, однако, не надо путать с тем, что красный свет и впрямь, возбуждает человека, а синий свет – успокаивает – А.А.). Нечистоты с очей и болезни с а отгоняет и животныя болезни усмиряет.

Тако же кто его при себе носит в перстне, (то яхонт) чинит его спокойным и в людех честным, набожным, милостивым, духовным, а (так же) измены открывает, страхи отгоняет. Чирьи, бывающие во время поветрия морового, одним доткновением уздравляет (оздоравливающее «доткновение», т. е. буквально, «протыкание», вероятно есть очередное заблуждение, идущее, как часто бывает, от неверно понятых слов. «Чирьи» при «поветрии», т. е. чумные бубоны при эпидемии чумы могут быть легко вскрыты, что часто и делали, считая, что это излечивает. Поскольку нержавеющей стали практически не было, врачи нередко применяли для тонких операций – инструменты из минералов, например, сапфировый резец. Заметим, что лезвия из вулканического стекла, «обсидиана» – и по сей день высоко ценятся у медиков и применяется, например, даже при глазных операциях – А.А.)

О изумруде

Изумруд камень есть цветом зелен, а привозят его из Британии, а добывают его в тех местах. где руду медную копают. Изумруд толчен, аще (если его) в питии положишь, уймет смертоносную ядость и укушение ядовитых (тварей) заживит. Изумруд толчен и прият внутрь в питии, весом против седми зерен ячменных, тогда от скорму смертного избавляет человека.

Аще кто на изумруд часто зрит, тогда зрак человеческий укрепляет, и очи от прилучающихся недугов во здравии сохраняет. и носящему его весельство наводит (согласно психофизиологии человека, зеленый свет и впрямь успокаивает – А.А.).

Тот же камень толчен, в питии прият, пользует прокаженным и печени, и желудковым болезням помогает (и выше и, особо, в последнем случае. речь идет о распространен-

ной ошибке, идущей от главного принципа магии, принципа аналогии признаков, «подобное к подобному». Здесь – «зеленую» желчь, «зеленую» печень и желудок – связывали с «зеленым» же драгоценным камнем, изумрудом, рекомендуя его от «желудковых» болезней, отравлений «ядостью» и «окорму». Аналогичное «лечение» можно найти для десятков других веществ и минералов – А.А.).

О берюзе

Берюза (бирюза – А.А.), или ферюза, есть камень синостен, смешан с некоторою бело-стию, а (пригодный камень тот, где, по цвету) чтобы синесть одолела бледость.

А коли человек с коня спадет, тот камень сохраняет его от расшибения (свинцовую воду, например, и ныне применяют от синяков, врачи бирюзу применяли аналогично, но одно лишь «магическое» ношение ее на себе, разумеется, отнюдь НЕ охраняет от ушибов! – А.А.).

Аристотель премудрый пишет про него. что умноживают его цари великие в сокровищах свои (х) и чествуются им. Носящему его – весельство наводит. Аще кто носит при себе, не может быть тот человек убит, понеже никогда (бирюзу) не видали на убитом человеке (забавный вывод, не учитывающий то, что любые драгоценности, как добычу с убитых тут же снимают – А.А.).

А когда разотрут его и пьют, помогает от окормов змииных (от отравлений, т. е.) и от иных многих пакостей издвращает, и болезнь из почек и из пузыря выведет.

О бечете

Бечета камень сердце обвеселит. а кручину и неподобныя мысли отгонит, разум и честь умножает, от грома и от неприятелей обороняет и от губительнаго мороваго поветрия сохраняет, чреватым женам (беременным женщинам, т. е.) ко скорому рождению детей приводит.

О аматисте

Аматист (аметист – А.А.) камень цветом вишнев (ый), а родится во Индеи. Сила того камени – пьянство отгоняти (считали так, согласно основному принципу магии, «подобное к подобному», по простой зрительной аналогии, т. к. аметист – камень «винного» цвета – А.А.), мысли лихия отдаляет, добрый разум делает и во всяких делах помощь даст. Аще кто с того камени изопьет, неплодным же (плод) дает, и окорм гасит. И воинских людей от их недругов оберегает, и ко одолению привадит, и к ловлению зверей диких и птиц добре помогает.

О тумпазе

Тумпаз (желтый топаз – А.А.) камень назван (так) от места, откуда приведен сперва. а то место (на)зовемо Парси (видимо, Персия, «фарси» – А.А.). А (тот сорт топаза) кои всех лутши – и тот цвет имеет, что золото, а который темен – тот не столь добр.

Тумпаз, (для того) кто при себе носит – гнев человеческий и похоти телесные смиряет. Воитель мудрый пишет, (что) коли тумпаз в кипячею воду положишь, и вода кипеть не начнет и престанет и назад его можешь голою рукою вынять, и то дело испытано неким мудрецом во фряжской земле, во граде Париже (речь, видимо, идет о веществах с высокой теплоемкостью и о чисто физическом эксперименте, возможно, уже во французской Академии, который здесь, в лечебнике приведен как «волшебство», абсолютно «ни к селу, ни к городу». Трудно, однако сказать, с топазом ли данный опыт проводился и проводился ли вообще – А.А.)

Тот же камень пособляет, кто кровию блюет, и от той болезни обороняет. кою называют волком (дерматит, кожное поражение, «волчанка» – А.А.). Тот же камень, (будучи) на нутр (о)

положен, то кровь уймет и раны телесныя зажение угасит (т. е. поможет от нагноения или воспаления).

О малариузе

Малариус камень (для того) кто при себе носит, и того чинит веселым, и промеж мужа и жены любовь умножает, а коли на шею повешен, сны лихия и страшныя отгонит... И болезни горляные и в щеках мокротныя и волгостныя исцеляет. Той же камень в воду положи, и ту воду давай пить тяжко воздыхающим (тяжело дышащим, видимо, астматикам – А.А.) – поможет, и (в)нутренния болезни отгоняет, и младенца во утробе матерне содержит, и тою подою аще в очи пустит – уздавляет.

О гранате, или вниесе

(Красный) Гранат, а по-рус (с)ки «виниса камень» – веселит (своим видом) сердце человеческое и кручину отдаляет. Тот же камень, кто его носит во рте у себе. у того человека речь и смысл к судебным делам направляет. Тот же камень, кто его при себе носит, и того человека к людям прилюбаем.

О агатасе

Агатес камень (агат – А.А.) (бывает двух сортов, и) черн и светел. Аще (Если же) его сожжешь и дай скорбным пити, и он помогает от падечия скорби (от «падучей болезни», от эпилепсии, т. е.), и духи нечистыя отгоняет. И желудковые болезни помогает. и к сладости ественной приводит (т. е. аппетит возвращает).

Тот же камень положи в воду и дай умолкнуть три дни, и ту воду дай пить жене во время рождения (ребенка), и тем легостно рождение (ей) чинит.

Ту у же воду давай пить девице для обличения нечистоты ея, и как выпьет, то нечистота в ней не удержится, того ж часа изыдет вода та на низ, а только (если) непорочна – то не изыдет (с точки зрения женской рефлексологии, для сексолога это довольно своеобразный способ определения нарушенного целомудрия – А.А.).

Тот же камень духом нечистым сопротивляется и волхвом, и ужи(й) отгоняет... того ради орлы тот камень кладут в гнезда своя, что от гнезд их ужи бегают (любопытная попытка «объяснить» появление ярких предметов в гнездах птиц, у многих из которых подобные приношения и впрямь распространены, как у аистов, ворон, сорок и т. п. Впрочем, уменьшение числа «ужей», т. е. змей вблизи орлиных гнезд вполне объяснимо и без камня агата – орлы едят змей, и один из видов даже так и именуется, «орел– змеяд» – А.А.).

О аспиде

Аспид-камень (возможно, «аспидный сланец», используемый для грифельных досок – А.А.) многими цветами бывает, а из них лучши (е) и сильнее (сорт) светлой зеленой, чтоб в нем (в окраске) струи черленые проходили скрозь того камня. А буде крест (сделанный из) того камня (для того)кто носит на себе, и того от потопа на воде и трясовичное биение уймет (т. е. резкий озноб при лихорадке).. и от соблазнства сохраняет.

О магните

Магнит-камень (магнетит – А.А.) родится в Индеи в горах при б (е)регу морском, аки железо. [... | А кто ево истолкши приемлет (внутри) во фряжском (французском, т. е.) вине с

сахаром, и он густую кровь и мокрость изнутри выведет, кто его при себе носит. велегласие творит и весельство наводит.

Тот же камень еще муж носит при себе, тот мил бывает жене. Аше (а если) жена носит – то же чинит и ей (свойство магнита притягивать железо в «магическом» переложении, по магическому принципу «подобное к подобному», применено для «притяжения» супругов или же, как описано чуть ниже, наоборот, для выяснения «неверности» – А.А.).

Тот же камень положь под головы жеие. которая мужу своему верна, и она сквозь сон мужа своего обымет той (же) час, а которая от мужа блудит – и та с постели как летит, будто кто ее спихнул. И то чинится от того камня во сне страшливое видение и боязливое.

Тот же камень, терт мелко, и сыпь его на жар угольной, и тогда дивные и страшные дела покажутся, что невозможно будет человеку тут стоять³.

8. О вхождении банном

Учитель магистр глаголет: что в баню не входим студеньих и зимних. Пристойт (необходимо) париться (тем) кои не работают и егда всласть брашно приемлют (слишком сытно питаются, т. е.) и с преизлишеством вино или пиво пьют, и от чего раждается волгость промеж кожи и тела, тем людям пристойт париться в сухом пару. А иным людям, кои вельми работают и ездят во дни жаркия, а пот на теле пролиется, те да парятся в мылие с водою, да пот смывают,

Мастер глаголет: Аще в мыльню итти хочешь или рожки ставити (кровососные рожки, для снятия кровяного давления, что делали специальные банщики-кровопуски – А.А.), тогда луна будет во ущербе, а добро есть поити в балию (баню).

Пристойт всякому человеку ноги парити водою теклою, в которой парена ест романова трава (ромашка), понеже (т. е., поскольку) то очем и мозгу и г (о)лаве лечба (хорошая) есть.

Главу же парим на тощее сердце (голодное) или (за)долго после стола (и еды), и то твори (м) чрез пятнадцать дней, а 20 дней не перепусти. А в мыльню не ходи борзо (сразу же, т. е.) после стола или егда человек пьян, но ждем докуды износится или три или четыре часы после стола.

А в мыльне да не пием, понеже (поскольку) от того великая болезнь печени бывает. Тако же и не скоро после мыльни ядим или пием, дондеже (покуда) тело обхолодится. А паримся в среднем пару, а не в жарком, понеже жаркой пар не попустит отворитися потнице ис тела, а пот станет промеж кожи и тела.

А недобре (если) паримся знойно долго, понеже от того безсиле бывает и естественную теплоту сильно вытянет и наводит человеком неохотство, кое же и к питию и ко спанью. А после исхождения мыльного не скоро студись (старайся не олажаться, т. е.), понеже от того бывает великая пакость мозгу главе и костем и спине. и от того родится судорога и грыжа.

Трезвое же парение любовиство наводит телу, а то пристойт (и это необходимо, т. е.) вельможам и целомудренным людям – любовным же пристойт париться, егда брашно в полы изноет. и от того они тукошь (жирное) приемлют часто, еже парение болезнь наводит.

Аще кого утроба держит или глава болит или очи, или зубы, или язвы сеченыя, или грыжа или оток (отек) или кто объелся, те да не входят в мыльню, и аще заповедь преступают. в великой недуг впадают.

А прежде вхождения банного человек да идет на столчках и потом мало да походит. Никто да пьет вина или пива или иного студенаго пития в мыльне. А после мыльни да не ядим никакоже перцу и луку, и чесноку или иным, кои естеством суть горячи. И то с прилежанием

³ ...«дивные» дела покажутся, даже если железные опилки насыпать на лист бумаги, под которым положен крупный магнит, при посыпании же мелких магнитных частиц на уголь, они могут и в горячем воздухе и на самих углях принимать достаточно своеобразные фигуры, а так же просто – искрить – А.А.).

внимаем, понеже от того родится болю, к(отор)ая именуемая «канинус апетитус», сиречь ненаясыть⁴.

Кто хощет гораздо (про)потети в мыльне. тот прежде мыльни да не пиет. Мыленном парении различна есть врачба, яко же учителя глаголют, понеже парение иутр (о) мякчит, и потницы отворяются, и собирательная вредительная мокрость исходит, и ветр вредительной отворяется, и сон наводит, и умелит телесную вредительную мокрость, и утробное течение завяжет, и утомление холодит, и сладость в брашне наводит.

А иногда баня болю наводит, понеже (поскольку, т. е.) сила телесная от того (парения) малеет, да мнится человеку, что сердце у него разгорелось, и рыгание творит, и вредительная мокрость от того раж— дается, и смерть наводит, аще (если он с) небрежением в баню поидет, (с теми ошибками) яко выше (о)писано есть.

⁴ это, видимо, просто старинная шутка, поскольку «канинус апетитус» переводится буквально как «собачий аппетит»! – А.А.

Подлинный старорусский травник

История медицины знает огромное количество травников (отсюда слова «травить», «отравить», «отрава»), лечебников и «зелейников» («зелье» – трава, травный настой, яд и пр. изготовленный из трав). Многие из них полны чисто сказочными свойствами и описаниями несуществующих растений. Некоторые из них вполне приложимы к «практике» и в наши дни. Однако же, именно за подобные книги или переписанные в тетради описания, вплоть до Петровских времен, людей хватало как колдунов, пытая, подвешивали на дыбу, жгли факелами, вызывая, что за «колдовские» корешки значатся в «волховских» тетрадках, безжалостно сжигали в срубках.

Названия многих трав не являются ныне общепризнанными и «официальными». Однако многие травы вполне узнаваемы.

Так «Адамова голова», в действительности более известна как мандрагора, или, иначе, скополия. «Вороний глаз» – ныне так и называется: это вполне обычная небольшое растение наших сосново-еловых лесов. «Гага» – березовая чага, нарост на коре. И – так далее.

В Травнике есть – Девясил, Дягиль, Зверобой, Золототысячник, Иван-да-Марья, Крапива, Любисток, Мать-и-Мачеха, Молодило, Осот, папоротник (имеется в виду, видимо: «орляк») Петров Крест, Попутник (подорожник), Прострел (подснежник), Ромашка, Чистотел, Щавель и другие, здесь не упомянутые.

Травы пользовали зачастую более полноценно, нежели ныне – в свежих водяных вытяжках, «кашицах» из тут же нарубленного растения, в порошках, в парениях (например в бане), в курениях. Не забывались ни корни, ни листья, ни цветы, не плоды.

Распространенные ныне спиртовые настойки в старину были замещены более щадящими, забытыми ныне жировыми вытяжками, например, отварами в молоке или растопленном сале (см. напр. трава «архангел»), разведениями в том же молоке или сметане.

Многие растения, особенно свежесорванные, носили при себе, что давало постоянный чрезкожный контакт и, несмотря на примитивность применения, вполне могло способствовать излечению некоторых недугов. Практиковались также растения вмазанные в комочек пчелиного воска, также носимого на себе, что так же было не лишено смысла – через воск вещества довольно легко проникали к коже и «целили».

Если сравнивать различные травники, в частности чудесные «колдовские» и обычные «лечебные», то можно заметить отдельные забавные моменты того, как вещи обыкновенные становятся волшебными.

Так, некоторые травы «превращались» в «магические», видимо, по причине простого непонимания прочитанной в травнике фразы. Например, когда врач писал (см. напр. «хмеля»), что трава помогает «от сабли» – он имел в виду обычное лечение рубленой раны.

Но, когда тетрадь с рецептами брал в руки человек неграмотный, ему казалось, что речь идет об магической защите «от сабли» с помощью названной травы. А далее, переписывая рецепт или давая его кому-то другому, он «рекомендовал» такую траву уже не как «лечебную», а как... волшебную, магическую! Так рожались легенды, множились загадки и чудеса, являлась невиданная магия.

Так, мандрагора, содержит сильнодействующие алкалоиды (в частности «скополамин»), способные и отравить и исцелить довольно быстро. Именно поэтому ее, как и другие подобные же травы, считали травой «волшебной». Ее применяли в частности: отпаивать «околдованных» (например, женщин, бьющихся в истерику и пр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания